

Евгений Малинин
Драконья ненависть, или Дело врачей
Серия «Драконье горе», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130428
Драконья ненависть: АСТ, АСТ Москва, Транзиткнига; Москва; 2005
ISBN 5-17-032095-7, 5-9713-0251-5, 5-9578-2349-X

Аннотация

Медицинская конференция в заштатном районном центре...

Не лучшая командировка для амбициозного провинциального журналиста Владимира Сорокина, «по совместительству» странствующего по иным мирам и владеющего могущественной магией!

Кто же мог подумать, что странные туманы, время от времени появляющиеся в этом районе, откроют ему Путь еще в один мир!..

В мир, где люди называют эльфов, гномов и троллей – проклятым народом...

В мир неистовых магов, безумных тутов, «вольных крестьян» – кхметов – и безжалостных властителей-данов, огнем и мечом истребляющих «нечисть фэйри»...

Этот мир заражен ненавистью.

В нем нет ни вдохновения, ни надежды...

Как можно спасти его?!

Содержание

Глава 1	4
Интерлюдия	19
Глава 2	21
Глава 3	44
Глава 4	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Евгений Малинин

Драконья ненависть

или

Дело врачей

*Из пророческих снов
И из визга фанфар
Ты ко мне явись,
Как проклятие слов,
Как полночный кошмар
Ты ко мне явись,
Из зеленых побегов
И из мертвых ветвей
Ты ко мне явись,
Из изнанки победы,
И потерянных дней
Ты ко мне явись,
Как предательство друга
Или помощь врага
Ты ко мне явись,
Как предвестье недуга
Иль проклятье богам
Ты ко мне явись,
Избавленьем от жизни
Пустой и ненужной
Ты ко мне явись,
Моя ненависть!
Ненависть!
Ненависть!
Ненависть!
НЕНАВИСТЬ!*

(Из сожженной рукописи Фрика «Горючие стихи»)

Глава 1

*В медицине главное – правильно поставить диагноз: Заболел – ОРЗ, помер – рак...
(Медицинский анекдот времен развитого социализма)*

– Так что же нам с тобой делать, Сорокин?..

Глаза нашего главного редактора Савелия Петровича грустно и одновременно задумчиво смотрели поверх моего плеча на портрет классика советской литературы Максима Горького, почему-то все еще украшавший главный кабинет редакции нашей газеты.

Савелий Петрович имел давно всем известную привычку – не желая сразу сообщать работнику газеты об уже принятом решении, он задавал какой-нибудь риторический вопрос и принимался изучать портрет Горького. Может быть поэтому я не слишком заволновался, услышав, что Савелий Петрович не знает, что со мной делать. «Видимо, собирается послать

меня в местную командировку „не по профилю...“ – подумалось мне. Однако, оказалось, что вопрос главного редактора был совсем не риторическим.

Оторвав взгляд от сурового и в тоже время вдохновенного лица классика, главный взглянул в мое лицо и задал следующий вопрос:

– Ну, что ты молчишь?.. Или сам не знаешь, что нам с тобой делать?!

– А... разве надо что-то делать?.. – неуверенно переспросил я, – Мне как-то казалось, что со мной все в порядке... Или вы решили послать меня в институт пластической хирургии... за счет редакции?..

Своим последним вопросом я намекал на вечное: «Ну и рожа у тебя Сорокин!.. Вылитый бандюган!» – произносимое Савелием Петровичем не реже двух раз в неделю. Однако, на этот раз главный не дал сбить себя с выбранной темы.

– Володя!.. – начал он неожиданно проникновенным тоном, и я сразу серьезно испугался.

– Володя!.. Тебе скоро тридцать. Возраст, так сказать, зрелости, а какая у тебя зрелость?! За последний год ни одной серьезной публикации, ни одного журналистского расследования, а разве у нас в области нечего расследовать, не о чем писать, не с чем бороться?! Вспомни хотя бы свой очерк о деле старшего лейтенанта Макаронина! Я, признаться, после этой публикации думал, что ты вырос наконец-то из детских штанишек, что стал настоящим серьезным журналистом... А ты?!

– А я?! – грустно повторил я вслед за своим руководителем.

– Ну, посмотри, чем ты занимаешься?! – вдруг «возопил» Савелий Петрович, – Организовал какой-то странный клуб со странным названием «Внуки Ильи Муромца», учишь детишек драться. Да ладно бы еще показывал им какое-нибудь там «у-жу» или «так вам до», а ведь вы ходите по общественным местам, размахивая заточенным железом. Ну скажи, неужели это так интересно, дубасить друг друга старыми автомобильными рессорами в городском парке?!

– Это не рессоры!.. – Обиделся я, – Это мечи!..

– Вот, вот!.. – немедленно подхватил Савелий Петрович, – Какие могут быть мечи в тридцать-то лет?!

«Какие?! – обиженно подумал я, – Да, самые настоящие!..»

И тут я вдруг понял, что главный... прав! Моя работа, моя журналистская деятельность, в последнее время как-то потеряла для меня привлекательность. Мне стало неинтересно писать о бытовом насилии, которое было, есть и будет подавляющим видом преступлений, о мелких мошенниках, катающих самые разные наперстки под носом разинувших рты обывателей, о бомжах, лишенных своего жилья расплодившимися «риэлтерами». Даже об акулах нашего дикого капитализма, о капиталах, нажитых ими на слезах, горе и нищете простых, по-дурацки честных людей, мне писать не хотелось! Потому что вся эта писанина, все эти обличения и расследования абсолютно ничего не давали! Ты кричишь: – Караул, держите вора!!! – но никто из тех, кому этого вора положено «держат» тебя не слышит... Не желает слышать!

Может быть поэтому мне в последнее время больше всего нравилось сидеть дома, перебирая камешки, подаренные Мауликом, и вспоминая о Драконьем горе, которое мне удалось утешить, спасая старшего лейтенанта Макаронина, о своих друзьях – каргушах Фоке и Топсе, маркизе Вигурде... О погибшей фее Годене... Крохе. Или же, взяв в руки крошечную книжку в переплете из нефритовых пластинок, медленно листать ее пустые, чистые страницы, отдавшие мне свое знание Искусства, снова и снова вызывать в памяти своего учителя – Фун Ку-цзы, принцессу Шан Те, черного синсина Гварду и, конечно же, Поганца Сю, этого маленького зачарованного «несуразца», неожиданного оказавшегося героем. Вспомни-

нать Драконью алчность, приведшую к ограблению Алмазного фонда России и свое безумное преследование мага-грабителя в Мире Поднебесной.

Только возня с мальчишками, этими самыми «внуками Ильи Муромца» казалась мне чем-то важным, чем-то не лишенным смысла в нашем обесмыслевшем Мире, тонущем в... Драконьей алчности. Кокон магической энергии, который я перенес из Поднебесной, вполне позволял мне делать кое-какие чудеса, но я пользовался этой возможностью крайне редко и только для...

– А кольчуги?! – прервал мои отвлеченные размышления неожиданный выкрик Савелия Петровича, – Ведь ты заказал на заводе металлоизделий для этих своих... э-э-э... внуков Ильи Муромца настоящие кольчуги! Спрашивается – на какие деньги?!

– Как это «на какие деньги»? – возмутился я, – А самый крупный выигрыш в истории старейшего казино города?!

– Да уж, самый крупный выигрыш!.. – воскликнул Савелий Петрович, – Весь город целый месяц только об этом выигрыше и говорил! Это ж надо – журналист областной газеты, занимающийся криминальной хроникой, обобрал до нитки самое... бандитское казино города!!! А знаешь, что интересовало весь город?!

Я всем своим видом показал, что даже и понятия об этом не имею.

– А то, как тебя с такими деньгами из казино на улицу выпустили!!

«Попробовали бы они меня задержать!..» – с внутренней ухмылкой подумал я, с удовольствием вспоминая, какая физиономия была у Батяни Паши – нашего местного авторитета, державшего областной игорный бизнес. Это был как раз тот редкий момент, когда я воспользовался своими... необычными способностями и наукой Нефритовой Книги. Именно эти способности позволили моим ребятам получить настоящие кольчуги, шлемы, мечи, щиты, сапоги, боевые рукавицы, и они стали похожи самых взаправдашных «внуков Ильи Муромца».

А Савелий Петрович, вдруг успокоившись и вернувшись к привычному неторопливому тону, продолжил свою «воспитательную» беседу:

– ... Самое обидное, что еще полгода назад я подумывал, не назначить ли тебя замзавотделом областной информации!.. Но не могу же я поставить во главе коллектива человека, который сам учится... э-э-э... драться... и учит этому детей!.. Человека, который утверждает, что на свете имеется самое настоящее колдовство и в доказательство показывает какие-то... нелепые фокусы!!! Да-да, я знаю что ты две недели назад вытворял в моей приемной. Галочка до сих пор в себя прийти не может!..

Галочка – это новая секретарша главного редактора. Она очень молода и ее реакция на самые простые магические штучки весьма... импульсивна!.. Вот уже две недели, как у нее круглеют и загораются глаза, стоит мне только войти в приемную!.. Но... я опять отвлекся...

– В общем, так! – начал закругляться Савелий Петрович, – Пора тебе выбросить всю эту дурь из головы, все эти шлемы-мечи, все эти колдовства-чародейства, и заняться настоящим делом! У тебя ведь серьезная профессия в руках – ты журналист!! Вот и посвети себя этой профессии, тем более, что у тебя к ней талант. И, кстати, есть небезынтересная тема!..

Он взял в руки до половины заполненный машинописным текстом листок, а я с тоской подумал:

«Ну вот и дошли до главного... Как я и думал – задание не по профилю!.. Интересно, вместо кого я буду отдуваться?!»

– Завтра утром в районном центре N-ске состоится интересная... к-хм... конференция. Проводит ее, чтоб ты знал, сам Захар Федорович, наш губернатор, а посвящена она обеспечению населения качественным медицинским обслуживанием!

Увидев, что я собираюсь возразить, что у меня на языке вертится, так сказать, неловкий вопрос, Савелий Петрович заторопился:

– Наша «медичка», Светлана Николаевна, в отпуске и... э-э-э... за границей, а материал об этой... конференции на первую полосу пойдет!.. Понял?! На первую полосу! Так что у тебя шанс!.. Ступай!..

Я махнул рукой и, встав из гостевого кресла, поплелся к выходу, а главный уже самым добродушным тоном напутствовал меня:

– Выезжай в N-ск сегодня. Начало конференции завтра в девять утра, а тебе до начала еще там кое с кем пообщаться не мешало бы... Тему конференции лучше прояснить для себя!

«Вот и разобрались, что со мной делать!..» – подумал я, закрывая за собой дверь кабинета и с тоской глядя на секретаршу, уже округлившую глаза.

– Нет, Галочка, – угрюмо покачал я головой, – Сегодня «фокусов» не будет, сегодня я отбываю в... глубинку, освещать медицинские вопросы!..

Надо сказать, что наш N-ск – захолустье еще то! Теоретически туда можно добраться на автобусе, который отходит дважды в сутки от железнодорожного вокзала строго по расписанию... Если, конечно, не разлилась Хотька – речка местного значения, разливающаяся из-за малейшего ливня и затопляющая автомобильный брод. Впрочем, я сильно подозреваю, что наше областное автобусное начальство объявляло Хотьку разлившейся, каждый раз, когда ему светили премиальные за экономию бензина, как ни странно, этот показатель все еще учитывался областной администрацией.

Но в этот раз я был вправе рассчитывать, что автобус до N-ска все-таки пойдет. Впервые было начало квартала, так что экономить сейчас бензин было, вроде, еще рановато, а во-вторых, в N-ске ожидали прибытия самого губернатора, а потому брод должен был быть в порядке!

И мои ожидания оправдались, автобус на N-ск действительно отходил строго по расписанию, в двадцать один ноль-ноль. И места свободные были. Так что я быстренько обосновался около окошечка и через полчаса отличной езды по асфальтовому шоссе республиканского значения, а затем еще двух часов тряски по ухабам значения местного, прибыл на центральную площадь районного центра N-ска. Автобус остановился аккуратно рядом с ихним двухэтажным Hotel-ем «Сказка Залесья», до эпохи исторического материализма называвшимся Домом колхозника. В этот самый Дом, ставший «Сказкой» мной давно была натоптана тропинка, и меня там всегда принимали очень радушно.

Через двадцать минут я уже занял койку в четырехместном «люксе» этого гостеприимного дома и, поужинав захваченными с собой бутербродами, отошел ко сну.

Проснулся я на следующий день очень рано, так что успел не только позавтракать, но и прогуляться по городу. Совещание областных медиков, или, как высокопарно назвал его Савелий Петрович «конференция», должно было начаться в девять утра в местном кинотеатре «Голд синема», бывшем городском Доме культуры, бывшем складе местного купчины Заимова, правда с тех пор слегка перестроенном. Я явился без четверти девять и был беспрепятственно допущен в зал, поскольку моя фамилия была сообщена организаторам данного мероприятия еще две недели назад... Вот вам и «... что же нам с тобой делать, Сорокин!»

Договорившись с фотографом местной районной газетки о снимках с областного мероприятия, я расположился в середине зала и раскрыл захваченный с собой томик Роджера Желязны... Ну в самом деле, не вникать же мне в смысл речей областных медицинских светил с моим-то журналистским образованием, а список выступающих и темы докладов я и так получу в секретариате.

Прочитав несколько страниц о событиях, разворачивавшихся в «отражениях», я поднял голову и с удивлением обнаружил, что совещание все еще не началось, хотя мои часы показывали уже половину десятого и зал был практически полон. По сцене, позади еще пустого стола президиума, покрытого деловой зеленой скатертью, сновали какие-то деловые люди,

молодая дама в строгом костюме и огромных очках на крошечном носике третий раз меняла на трибуне графин с водой, в общем, продолжалась подготовительная суэта, хотя на мой взгляд все уже давно было готово.

Я наклонился к здоровенному пожилому дядьке, усевшемуся в соседнее кресло и самым доброжелательным тоном спросил:

– Не знаете, с чем связана задержка?..

Он строго оглядел меня, кинул быстрый взгляд на томик в моих руках, после чего на его лице отразилась крайняя степень неодобрения. Правда и мне этот дядька тоже как-то сразу разонравился!

– Никакой задержки, молодой человек, нет... Просто начало конференции перенесено на десять часов, Захар Федорович задерживается! – самым официальным тоном произнес дядька, а потом, бросив еще один взгляд на беднягу Железны, сурово спросил:

– Позвольте поинтересоваться, вы в каком районе практиковать изволите?..

– Практиковать что?! – прикинулся я протачком.

– Э-э-э, в каком смысле?.. – не понял дядька.

– Вы позволили поинтересоваться, в каком районе я изволю практиковать, вот я и спрашиваю, что практиковать? Практиковать, знаете ли, можно разные... вещи!

– Но... э-э-э... разве вы не врач?!

Дядька совсем растерялся. Я грустно усмехнулся и в свою очередь спросил:

– Ну разве я похож на врача?.. Разве в медицинский институт принимают с такими... к-хм... лицами?! Разве глядя а меня, больной поверит, что я давал клятву Гиппократу?!

Дядька смущенно отвел глаза, но через минуту, когда я уже совсем собрался снова открыть свою книгу, опять заговорил. На этот раз гораздо мягче:

– Вы меня извините, молодой человек, но если вы не... врач, то что вы делаете на... э-э-э... этой конференции?..

Я поднял на него глаза и коротко, но увесисто ответил:

– Освещаю!..

После чего перевел взгляд на сцену.

– Что освещаете?..

Судя по тону вопроса, бедный дядька совсем со мной запутался! Однако помогать ему «распутаться» я не собирался.

– Вот эту самую конференцию и освещаю!..

– А! – догадался дядька, – так вы этот... элек...

Договорить я ему не дал. Строго кивнув, я подтвердил:

– Да, я – акула!..

– Как – акула?! – физиономия у дядьки побагровела, а сам он как странно вжался в свое кресло.

– Ну, может быть еще не совсем акула, – поправился я, – но спрут – это уж точно!..

Дядька быстро выбрался из своего кресла и, наступая сидящим в ряду людям на ноги, поторопился к центральному проходу. Я с интересом наблюдал за ним. Оказавшись в проходе, он быстрым шагом направился к сцене и судорожными взмахами рук привлек к себе внимание той самой дамы, которая меняла графины на трибуне. Она подошла к рампе и наклонилась вперед, а дядька начал ей что-то возбужденно говорить, энергично тыча пальцем в направлении зала. Дама раза два перебивала его какими-то вопросами, а затем подняла голову и стала пристально вглядываться в зал. Дядька тоже повернулся лицом к присутствующим участникам конференции и пытался указать даме место моего нахождения.

Поскольку очкастая деловая мадам никак не могла меня разглядеть я взял на себя смелость помахать ей рукой, после чего она, наконец, поняла о ком идет речь. Укоризненно покачав головой, она склонилась к встревоженному дядьке и что-то ему объяснила, после

чего тот гораздо спокойнее последовал обратно к своему, столь стремительно покинутому креслу.

Когда он сопя и пофыркивая, устроился в кресле, я дружески ему улыбнулся и спросил:

– Ну что, убедились, что я – спрут информационного бизнеса?..

– Вы молодой человек, безответственный шутник!.. – обиженно буркнул дядька и демонстративно устался на сцену.

Я опять улыбнулся, на этот раз неловко, поскольку почувствовал, что вел себя, и в самом деле... несерьезно.

– Вы не обижайтесь, – примирительно проговорил я. – Ну что вы хотите от несерьезного, молодого журналиста, которого направили на вашу конференцию, хотя он даже медицинской терминологии не понимает! Я ж с врачами уже лет двадцать не общался!

Дядька снова повернулся ко мне, и в его глазах зажегся интерес, я бы сказал, весьма похожий на профессиональный.

– Вы вот спросили, в каком районе я практикую, а мне и...

Тут я замолчал, уловив, что дядьке уже не интересен наш прежний разговор, что у него появились ко мне новые вопросы. И я не ошибся, правда начал он не с них.

– Позвольте представиться, – пророкотал он, чуть наклонив голову, – заведующий отделением острых респираторных заболеваний N-ской районной больницы Захаров Борис Ильич.

– Сорокин Владимир, журналист... – настороженно представился я, но врач местной больницы не обратил внимания на мою настороженность.

– Вот вы сказали, что лет двадцать не общались с врачами, так вы что же, совсем не болеете?..

– Бог миловал... – все так же настороженно ответил я.

– Что и ни гриппа, ни простуды?..

Я отрицательно покачал головой.

– А позвольте спросить... – тут он сделал маленькую паузу, – в нашем районе в последние шесть-семь лет вам приходится бывать?..

Я пожал плечами:

– Раз по пять-шесть в году...

– И вы после... э-э-э... этих посещений ни разу не заболели?! – на этот раз в его голосу прозвучало непонятое удивление, поэтому я вместо ответа задал неожиданный вопрос:

– А что, ваш район особо опасен в смысле... заболеваемости?!

Теперь уже удивление промелькнуло в его глазах, и он снова резко сменил тему разговора:

– Так вы, получается, не в курсе...

Борис Ильич замолчал, глядя на меня с некоторым сомнением.

– Не в курсе чего?.. – нетерпеливо поинтересовался я, и тут же пояснил свое нетерпение, – меня направили сюда в спешном порядке, взамен... специалиста, так что я, действительно, не успел ознакомиться с... проблематикой конференции.

Борис Ильич хмыкнул, покачал головой и чуть свысока произнес:

– В таком случае, молодой человек, вас ожидают преинтереснейшие сведения!..

– Но, может быть, вы могли бы... э-э-э... предварительно ввести меня в курс?.. – Не свойственным мне заискивающим тоном попросил я, – вы же сами сказали – я не в курсе, вдруг что-нибудь не так пойму... не так освещу в областной, а то, гляди, и в центральной прессе!..

Зав отделением с некоторым сомнением оглядел меня, а затем неожиданно посмотрел на сцену. Там продолжалась все та же бестолковая суэта. Борис Ильич вздохнул и... кивнул:

– Хорошо, тем более, что начало, похоже еще задержат... Так вот, молодой человек, конференция проходит в нашем районе совсем не случайно, – начал он с некоторой напряженной гордостью, – в течение последних десяти лет наш район является... э-э-э... источником, так сказать, эпидемий... весьма странных эпидемий. Как правило, в середине или конце лета из нашего района начинают... расползаться острые респираторные заболевания и различные вирусные инфекции, в основном разнообразные штамбы гриппа. И если чрезвычайной заразностью гриппа нас не удивишь, то заразное ОРЗ это какой-то медицинский нонсенс!..

– Постойте, профессор, – чисто автоматически присвоив собеседнику академическое звание, перебил его я, – вы хотите сказать, что прошлогодний августовский грипп, который называли «Гонконгский-прим» пришел из... вашего района?!

– А!.. Вот видите, вы тоже наслышаны!.. – с радостным удовлетворением констатировал Борис Ильич.

– Да ничего я не наслышан! – довольно резко возразил я, – просто этот грипп в прошлом августе ополовинил нашу редакцию, и мне пришлось не только остаться без нормального отпуска, так еще и работать за троих!!! А теперь вдруг выясняется, что сие заморское заболевание вовсе и не заморское, а как раз местное!!!

– Вы выразились совершенно точно – это было местное, нашего района, заболевание... – покорно согласился Борис Ильич.

– Так что ж вы его «Гонконгский-прим» обозвали, а не какой-нибудь «N-ский сомнительный»? И вообще – десять лет из вашего района расползается всякая заразная... зараза, а вы только сейчас решили... какую-то конференцию созвать?! Бить надо... во все колокола!!!

– Зачем?.. – спокойно и очень заинтересованно спросил Борис Ильич, и мне вдруг почувдилось, что он попросту разыгрывает меня со всей этой историей об N-ских гонконгских гриппах и заразных ОРЗ. Потому я уже гораздо спокойнее ответил:

– Что значит – «зачем»? Или вы считаете, что делать ничего не надо, и так, кому на роду написано – тот и выживет, ну а кому не написано, тот...

Борис Ильич мило улыбнулся и покачал головой:

– Нет, до такой степени... э-э-э... пофигизма мы не дошли. Более того, семь лет назад в нашей районной больнице было создано отделение ОРЗ, которое и возглавил ваш покорный слуга. За это время коллектив, возглавляемый мной, проделал огромную работу. Нами были выявлены очаги возникновения инфекции, локализованы, так сказать, основные точки ее первичного проявления. Кроме того, нами определены временные рамки в которые укладывается период прохождения инфекционных циклов, их начало, пик действия и окончательное исчезновение. Теперь мы уже во всеоружии и вовремя встречаем каждую новую атаку инфекционных эпидемий и стараемся не допустить их распространения за пределы района... ну, если не района, то хотя бы области!..

К концу своего выступления Борис Ильич как-то сник, пропала в его речи оптимистическая составляющая. Посему, я взял на себя смелость задать нехороший вопрос:

– Но борьба... как я понял... идет с переменным успехом?..

Борис Ильич еще больше погрузился, а потом вдруг зашептал зло, негодуя:

– Понимаете, мы не знаем чего ожидать!.. Если в первое время грипп и ОРЗ были единственными... э-э-э... эпидемиологическими компонентами, то теперь... Вы знаете, нам в районе удалось снизить смертность от эпидемий гриппа и ОРЗ в шесть раз!! Но...

Однако тут я его перебил:

– Как – смертность?!

– Так я ж вам говорю, – торопливо, все тем же шепотом пояснил Борис Ильич, – в первые годы этих эпидемий в районе от летнего гриппа и ОРЗ умирало до двухсот человек, а в прошлом году всего тридцать! Но теперь на фоне все тех же гриппов и ОРЗ, пусть и видо-

изменяющихся, возникают новые эпидемиологические составляющие... В прошлом году, например, это был энцефалит!..

– Как – энцефалит?! – оторопелым шепотом переспросил я, – ведь энцефалита не может быть без... этого... без клеща?!

– Может... – горько произнес Борис Ильич. – В нашем районе все может быть!.. Даже энцефалит, передающийся воздушно-капельным путем!

И в этот момент кто-то очень энергично заколотил карандашом о горлышко графина. Мы с моим соседом подняли головы и увидели, что на сцене, за столом президиума уже расположились какие-то люди, что очень представительный мужчина в темно-сером костюме, стоит в середине президиума и профессиональным движением звонит карандашом в графин, призывая разболтавшийся от безделья зал к порядку, что конференция, наконец-то, готова открыться!

Мы с Борисом Ильичем как-то сразу отодвинулись друг от друга и приняли деловой, серьезный вид.

Конференция открылась приветствием от... Министерства здравоохранения Российской Федерации, подписанным замминистра и зачитанным начальником департамента здравоохранения области. Затем все тот же начальник здравоохранения области взошел на трибуну и принялся убеждать присутствующих, что в подведомственной ему отрасли народного хозяйства все обстоит наилучшим образом...

Расположившиеся в президиуме люди кивали в такт словам докладчика, и было непонятно, то ли оно соглашались со сказанным, то ли... кимарили с деловым видом. Минут через пятнадцать по залу снова пошел шелест, шепот, кашель и шуршание, показывавшие, что народ плохо понимает докладчика.

Но тут, в самом интересном месте доклада, когда докладчик начал приводить цифры, председательствующий, уже целую минуту перемигивавшийся с кем-то, стоящим за кулисами, вдруг снова энергично зазвонил в графин. Заведующий областным здравоохранением удивленно оглянулся, словно не понимая, кто же это мог решиться прервать само областное здравоохранение, и увидел, что председательствующий корчит ему ну совершенно неприличные рожи! Мимика председательствующего, однако, была настолько недвусмысленна и понятна завоблздраву, что тот быстренько закруглил свое выступление, заверив напоследок собравшихся, что в этом году цифры будут еще более обнадеживающими!

Не успел докладчик дотопать до своего места в президиуме, как председатель конференции самым торжественным тоном объявил:

– А сейчас, господа, слово предоставляется губернатору области, Герою Социалистического Труда, генерал-майору бронетанковых войск в отставке, заслуженному рационализатору России, почетному профессору нашего областного педагогического университета, господину... э-э-э... Захару Федоровичу!

Еще до конца не договорив, председатель уже начал аплодировать, чему, естественно, сразу же последовали все собравшиеся, так что губернатор, Герой, генерал-майор... ну и все остальное вышел на трибуну под бурные овации зала и президиума.

Захара Федоровича я довольно хорошо знал, и потому с интересом ожидал его обращения к собравшимся медикам. Как правило, он очень «образно» очерчивал круг наиболее важных проблем и весьма «доходчиво» ставил очередные задачи. И Захар Федорович не обманул мои ожидания!

Начал он свое выступление очень просто: – Что же нам с вами делать, господа медики?.. – Чем сразу же напомнил мне моего главного редактора...

– Сразу вам бошки поотрывать или дать еще немного времени, чтобы вы попробовали все-таки исправить сложившееся положение?..

Тут губернатор сделал многозначительную паузу, словно ожидая из зала ответа на свой «прямой» вопрос. И он его дождался, кто-то, явно не медик, затесавшийся в один из последних, затемненных рядов зала, громко крикнул:

– Поотрывать немедля, к чертовой матери!!!

Председатель было привстал со своего места, чтобы урезонить крикуна, но Захар Федорович немедленно подхватил поданную с места реплику:

– Вот!!! Слышите мнение нашего народа?!! Да, да, я не оговорился – это мнение нашего народа, который в праве потребовать... мать... вас... того, что он потребовал, поскольку уже наболело!! Народ, господа медики, поставил вам... этот... э-э-э... диагноз, и от имени этого пострадавшего народа я хочу у вас, господа... медики, спросить – доколе вы будете бездействовать?! На ваших глазах сотни, тысячи мирных жителей выкашиваются из стройных рядов строителей социа... э-э-э... рыночной экономики какими-то ОРЗ, гриппом, простудой, чирьями и прочей енхлюрен... – тут он быстренько заглянул в крошечную бумажку, зажатую в кулаке и поправился, – энфлюренцией, а вы даже задницу не почешите!!! А вам известно что этот ваш прошлогодичный ебн... едр... – он снова заглянул в свою бумажку, – енцифалинт до Москвы докатился?!! Вы знаете, что весьма важные люди... и даже один член... правительства... попали под нашу местную эпидемию и четвертое управление Минздрава не знало чего у них лечить надо?!

Физиономия у Захара Федоровича то ли от надрыва, то ли от жажды, окрасилась в привычные багровые тона, и дальше он уже шпарил без пауз, прерываясь только на крошечные мгновения, чтобы хлебнуть водички. Я уже знал, что он не прекратит своего выступления, пока не выдует весь графин!

– Но вы, господа медики, фелдшеры и медицинские сестры, напрасно думаете, что вот так вам все и будет с рук долой из сердца вон! Я лично, под свой контроль, возьму это дело, которое вы совершенно уже развалили и не позволю вам его разваливать и дальше!!! Я уже подключил к этому делу прокуратуру и наш доблестный ОМОН, а если надо, то тюрем у нас еще хватает и в них мы всегда сможем поставить пару-тройку новых нар со старыми клопами!!! Вы думаете я и дальше буду терпеть, что наш сосед, Петр Николаевич будет называть мою область рассадником эпидемий и зачумленным углом России?! Вы думаете я не доберусь до того, кто эти эпидемии распространяет и поощряет?! И перво-наперво, я усилю медицинские кадры области опытными работниками, уже доказавшими, что они способны верно служить социалисти... э-э-э... новой России!!! А тех, кто окопался в медицинских кабинетах и думает, что своим медицинским дипломом прикроет собственную профессиональную импотенцию, тот ох как просчитался! Ох, как они просчитались, что думали, что дипломом можно нам отвести глаза от ихних подлых делишек!! На ваши, господа окопавшиеся медики, делишки, мы ответим настоящим делом!! Дело врачей!!! Да, именно так – ДЕЛОМ ВРАЧЕЙ! И это будет серьезное дело!! И тогда все ваши эпидемии, гриппы и ОРЗ враз сократятся до минимальных размеров!!

В таком вот духе глава областной администрации воспитывал собравшихся медицинских работников минут сорок, а затем, как-то разочарованно постучав ногтем по опустевшему графину, вздохнул:

– Да!.. К сожалению, неотложные дела не позволяют мне более подробно остановиться на основных, так сказать, животрепещущих задачах медицины в масштабах области, но в целом, я думаю, мне удалось донести до собравшихся в этом зале весь накал еще не разрешенных вами проблем! За работу товарищи, и ответим на происки мирового капита... э-э-э... эпидемического терроризма железным кулаком отечественной медицины.

После этих слов, заслуженный рационализатор России еще раз постучал ногтем по пустому графину и, недовольно покачав головой, бодрым шагом отправился за кулисы.

Председатель президиума, быстренько вскочив на ноги, провозгласил: – В работе конференции объявляется перерыв... – После чего, с грохотом отодвинув свой стул, поспешил следом за губернатором. Члены президиума тоже поднялись со своих мест и с разной степенью прыти последовали за председателем. Последним уходил со сцены завоблздрав, и вид он при этом имел весьма встревоженный.

Участники конференции тоже начали подниматься со своих мест, и я, воспользовавшись возможностью, сразу же обратился к своему соседу:

– Ну, и как вам, Борис Ильич, выступление губернатора?..

Заведующий отделением N-ской больницы сокрушенно покачал головой и негромко ответил:

– Выступление, как выступление... Обычное выступление...

Затем, безнадежно махнув рукой, добавил:

– Главное, он о дополнительном финансировании ничего не сказал... Значит, денег не будет, а посему ничего нового мы о нашем феномене не узнаем!..

– А много ли вам на ваши исследования денег надо, и что конкретно вы хотите еще узнать?

Вопрос у меня получился чересчур прямой и напористый, а потому я попробовал его смягчить:

– Просто, мне кажется, эту проблему стоит вынести на обсуждение в областной печати, а для предметности разговора очень хорошо было бы указать конкретные факты и цифры. Что надо сделать, какими силами эти работы можно провести, сколько это будет стоить и какие результаты даст!

Борис Ильич посмотрел на меня с серьезной заинтересованностью, но затем вдруг эта заинтересованность в его глазах как-то истаяла, оставив после себя тоску.

– Ничего, как вы сказали, конкретного ваша газета не напишет!.. – с горечью проговорил он, поворачиваясь ко мне спиной и делая шаг к выходу из зала, – Тот же губернатор не позволит!..

– Но почему?! – удивился я, – Мой главный редактор, посылая меня на эту конференцию, определенно высказался в том духе, что ждет от меня острого, принципиального репортажа...

Борис Ильич приостановил свое движение, полуобернувшись, улыбнулся мудрой улыбкой все знающего человека и неожиданно перешел на «ты»:

– Я не знаю, что там тебе наговорил твой главный редактор, но неужели ты думаешь, что наш Захар Федорович допустит, чтобы в областной газете было официально заявлено, будто наша область является рассадником каких-то там эпидемий?! У себя под рукой он еще может допустить всякие там переговоры и обсуждения, но чтобы об этом заговорили в прессе?!!

Он покачал головой и, уже отворачиваясь, добавил:

– Мы пытались пригласить специалистов-эпидемиологов из Москвы... Только ничего из этого не вышло – администрация области не дала разрешения...

Я удивился, но не слишком сильно. Ясно же, что собственный деловой и политический имидж для руководителя любого субъекта нашей бедной Родины гораздо важнее нескольких перемерших где-то в глубинке граждан! И еще неизвестно померли они от неизвестно откуда взявшейся эпидемии ОРЗ или от «самодолошной» водки! А потому распускать слухи порочащие субъект федерации в период своего правления никакой губернатор конечно же не позволит, тем более, способствовать изысканию доказательств справедливости этих слухов!!

Борис Ильич бодренько пробирался к выходу, а я, задумавшись о «судьбах России» несколько поотстал. Но тут мне пришла еще одна, как мне показалась совершенно безобидная идея, и я поторопился догнать моего «просвещенного» соседа.

Мы вместе проследовали в фойе, но в буфет, посмотрев на толпящуюся там очередь, не пошли, а вышли из склада купца Заимова, имевшего вывеску «Голд синема» на улицу. Тут я и задал свой новый вопрос Борису Ильичу:

– Послушайте, мне все равно надо будет что-то писать об этой... ну... конференции. Вот вы говорили, что вами выявлены места возникновения этих странных эпидемий, так может быть, вы мне расскажете об этих местах?..

– Пожалуйста... – Пожал плечами Борис Ильич, доставая сигарету и прикуривая, – всего таких мест три, ближайшее располагается недалеко от села Киричи, а самое, так сказать активное – в деревне Погорелица, это километрах в сорока от N-ска...

– А может мне кто-нибудь показать дорогу к этой деревне?..

Борис Ильич с удивлением посмотрел на меня, а потом покрутил головой:

– Правильно о вас, журналистах, говорят – въедливые вы ребята... – и, чуть подумав, предложил, – знаете что, раз уж вы так решительно хотите подробно все узнать и рассмотреть, я вам дам своего ассистента, Петю Забродина. Во-первых, он врач, во-вторых, местный уроженец, а в третьих, занимается вместе со мной этой проблемой уже четвертый год и полностью... – тут он усмехнулся, вспомнив, видимо, начало нашего знакомства, – ... в курсе. Заходите завтра часиков в семь утра в нашу больницу... У Пети, кстати, и мотоцикл есть!

Здесь, у дверей кинотеатра мы и расстались с Борисом Ильичем. Он заявил, что дальнейший ход конференции его мало интересует и пошел к себе в больницу, а я поплелся обратно в зал слушать дальнейшее обсуждение проблемы обеспечения наших граждан высококачественным медицинским обслуживанием.

Надо сказать, что и информация, полученная мной от Бориса Ильича, и вступление губернатора области весьма подогрели мое любопытство, но к вечеру, так сказать, по холодку, проснулся и мой скептицизм.

«Скорее всего, – думал я, – Вся эта история простая цепь случайных совпадений и никакого эпицентра эпидемий в N-ском районе нет. И вообще, с помощью правильно подобранной статистики можно доказать все, что угодно! Например, всем известно, что вирус гриппа довольно легко мутирует, так что вполне возможно климатические условия нашей области и, в частности, N-ского района просто способствуют этой мутации. А местные медики решили, что в районе стабильно появляются новые виды вируса!»

Рассуждения мои были, конечно же, совершенно ненаучны и ни на чем не основаны, но... успокаивали!

Тем не менее, на следующее утро я встал в шесть, чем весьма удивил знакомого дежурного администратора. Правда, узнав, что я договорился о встрече в больнице, она, зная, естественно, про съезд областных медиков, многозначительно усмехнулась:

– Значит теперь и журналисты будут у нас по району ОРЗ ловить?!

Усмешка была вполне доброжелательной, а сама дама охотно рассказала мне, каким образом можно добраться до городской больницы, так что ровно в семь часов утра я входил в двери лечебного заведения. В прохладном холле, с жесткой деревянной скамейки, выкрашенной в белый цвет, мне навстречу поднялся молодой человек в джинсах и белой футболке, в руке у него покачивался на ремешке мотоциклетный шлем. Шагнув вперед, он негромко, словно боясь кого-то разбудить, спросил:

– Вы – Сорокин?.. Из газеты?..

– Владимир, – я протянул парню руку, – А вы, видимо, Забродин?.. Петр?..

Парень, улыбнувшись, кивнул и пожал мою руку.

– Мне Борис Ильич сказал, что вы заинтересовались нашим... феноменом, – парень повернулся к выходу из больницы и потянул меня за собой, – Но что именно вы хотите увидеть?

– А Борис Ильич разве вам не сказал?.. – чуть удивился я.

– Ну-у-у... – каким-то странным тоном протянул ассистент доктора Захарова и, полуобернувшись, глянул мне в лицо озорно блеснувшим глазом, – так... В общих чертах...

Вообще-то ассистент Петя мне понравился, но его лукавство требовало достойного ответа. А посему я, с безразличным видом пожав плечами, я сказал:

– Да, в общем, мне все равно... Я, правда, не слишком верю в это ваш местный «грипп-пофеномен», так что хотел посмотреть, из какого такого болота выползают эти эпидемии... Если, конечно, они вообще выползают!.. Неплохо было бы также пообщаться с кем-нибудь из... э-э-э... подвергшихся заражению... Для внесения, так сказать, личностной нотки в репортаж. Прямая речь на газетной странице очень, знаете ли, оживляет материал, придает ему достоверность!

Я разыгрывал из себя этакого газетного волка, делящегося с непосвященным секретом репортерского мастерства, а сам думал, почему это после упоминания о «болоте» блеск в его глазах потух, а сам он довольно неуклюже отвернулся?..

Мы вышли из дверей больницы и, свернув налево, двинулись вдоль больничного здания. За углом этого здания был припаркован старенький «Урал», в смысле, Петин мотоцикл. Забродин присел на сиденье и, уставившись в землю, словно не желая видеть моего лица, спросил, свободно переходя на «ты»:

– А с чего это ты решил, что... эпидемии... выползают из болота?..

Вопрос был для меня довольно неожиданным.

– Да так, просто к слову пришлось... – ответил я, пожав плечами.

Петр тут же вскинул голову и посмотрел прямо мне в глаза.

– А-а-а... А я подумал, что тебе что-то известно...

– Можешь считать, что мне неизвестно совершенно ничего... Ну, разве, кроме того, что было сказано вчера нашим губернатором... – Забродин поморщился, – ну и того, что рассказал мне Борис Ильич... Можешь мне поверить, он был не слишком многословен. Но то, что он мне поведал, слишком отдавало какой-то мистикой...

Ассистент слушал молча, глядя прямо мне в глаза.

– Так куда, все-таки, мы поедем?! – перевел я разговор в предметное русло.

Несколько секунд Петр продолжал молчать, а затем снова улыбнулся, словно принял какое-то решение:

– А вот в... болото и поедем... Там, кстати, ты и с пострадавшими... вернее, со страдающими от этих эпидемий сможешь поговорить!..

С этими словами он протянул мне свой шлем, а на мой недоуменный взгляд с легкой усмешкой ответил:

– Меня-то и без шлема не остановят, а этот я для возможных пассажиров держу.

Я нахлобучил на голову пластмассовую каску, уселся на заднее сиденье, и Петр плавно тронул своего «железного коня» от тротуара.

По городку мы ехали небыстро, тем не менее я с удивлением понял, что старенький Петин мотоцикл находится в прекрасной форме: двигатель урчал ровно, без кашля и пыхтения, даже пружины под моим высоким седлом не скрипели! А когда мы выехали за пределы районного центра, ассистент прибавил газу и мы понеслись с такой скоростью, что кусты по обочинам дороги слились в сплошную серо-зеленую стену. Понятное дело, разговаривать при такой езде не было никакой возможности, так что мне оставалось только обозревать окрестности и гадать, в какое болото решил завезти меня мой провожатый.

Впрочем, ехали мы не долго, минут через двадцать-тридцать мимо нас промелькнул белый прямоугольник дорожного указателя «Погорелица 15 км» со стрелочкой, указывавшей направо. Через несколько метров Петя повернул и сразу же резко сбросил скорость. Теперь под колесами его транспортного средства было совсем не шоссе, хотя бы и местного значения, а самый настоящий проселок, с раздолбанной колеей, перевитой неизвестно

откуда взявшимися древесными корнями и лужами, не просыхающими даже в самую испепеляющую жару, которые он тщательно объезжал.

Двигатель с рева перешел на громкое урчание, и я, чуть наклонившись вперед задал риторический вопрос:

– Значит мы, все-таки, в Погорелицу едем?

– Нет!.. – Забродин отрицательно мотнул головой, – Погорелица в стороне останется!..

И действительно, скоро проселок вильнул в сторону, к показавшимся из-за заросшего кустами пригорка темным, побитым дождями крышам деревни, а наш мотоцикл покатился совсем уже без всякой дороги, по недавно скошенному лугу к темнеющему невдалеке лесу.

На опушке этого леса мой провожатый остановил свое транспортное средство и соскочил на землю.

– Если ты еще не передумал, то дальше мы пойдем пешком, – Петя Забродин очень серьезно смотрел мне в глаза, – А на обратном пути заедем в Погорелицу, поговоришь с тамошними жителями. Они ежегодно абсолютно все болеют тем самым гриппом. За последние три года, правда, смертельных случаев не было – мы научились готовиться к эпидемии, а вообще в деревне семь человек от гриппа скончалось!

«Пугает!.. – мелькнуло у меня в голове, – В этой деревне уже сорок лет назад не больше десятка людей жили!»

– А сколько в Погорелице жителей-то? – спросил я вслед своей мысли.

– Десять лет назад было двадцать три человека, – ответил Петр, – Сейчас осталось двенадцать. Семеро умерли, четверо уехали...

Он зачем-то посмотрел в небо и махнул рукой:

– Ладно, пошли... Здесь недалеко, а туманы уже должны пройти.

Признаться я не совсем понял про «туманы», но переспрашивать не стал. Меня заинтересовал другой вопрос:

– Слушай... доктор, если вы так хорошо знаете место возникновения эпидемий, почему бы вам не организовать здесь постоянный пункт наблюдения?.. Ну... всякие там ежедневные пробы воздуха, воды, почвы?.. Имея такую статистику...

Однако Петр меня перебил:

– А кто будет работать на этом пункте?.. И кто этим работникам будет зарплату платить?! Ты думаешь, мы не направляли такие предложения? А ответ... Ну да ты вчера слышал нашего губернатора!..

Он раздраженно махнул рукой и пошагал вглубь леса. Я двинулся следом, оглядываясь по сторонам. Лесок, по которому мы шли, представлял из себя, скорее, довольно редкую и невысокую поросль тонкой ольхи, чахлах березок и высоких кустов бузины. Тем не менее он не был светлым и далеко не просматривался, словно пытался предстать перед человеком этакой чащобой. Отшагав несколько десятков метров молча, я снова задал своему провожатому вопрос:

– А про какие туманы ты говорил? Мне казалось, что в это время года к восьми утра любые туманы уже рассасываются...

Петя обернулся ко мне и довольно ухмыльнулся.

– Туманы здесь, действительно, странные. Я в прошлом году как-то раз видел туман, который переползал из Черного озера в дальнее моховое болото. Не поверишь, я шагал следом за ним наверное с километр, а туманное облако даже клочка не потеряло!

«Странный туман!.. – промелькнула у меня тревожная мысль, – Нехороший туман!»

И словно вдогонку этой мысли я вдруг почувствовал, что магический фон, в нашем Мире чрезвычайно слабый, вдруг резким скачком усилился! Нет, он не стал достаточным для формирования хорошего магического кокона, но и это усиление фона было настораживающим.

Между тем, почва стала понижаться, и под ногами, под плотным, пружинящим ковром травы явственно захлопало.

– Слушай, – обратился я к спине шагнувшего впереди Забродина, – Меня не предупредили, что придется ходить по болотам, и я вышел из дома без сапог!.. Может быть, мы не будем забираться слишком... глубоко?!

– Да мы уже почти пришли, – не оборачиваясь, ответил Петр, – Вон у той кривой березы, как раз начинается самая... э-э-э... продуктивная зона.

Я посмотрел вперед, оглянулся по сторонам, но определить границу «продуктивной» зоны не смог – на мой взгляд, все окружающие нас березы были кривыми. Повернувшись снова в сторону своего провожатого, я хотел обратить его внимание на эту особенность местного березового поголовья, однако Петра... не было! На том месте, где минуту назад мелькала его спина, обтянутая белой футболкой... клубился непроницаемый желтовато-пепельный туман!

Я остановился и прислушался. Впереди, в медленно расползающемся туманном облаке, еще слышны были шаги, но звук этот был странен – словно шагнувший там человек... очень торопился!..

– Петро!.. – крикнул я, – подожди, тебя не видно!..

Звук моего голоса прозвучал необыкновенно глухо, словно терял свою звучность в плотном непроницаемом облаке, а само облако вдруг за клубилось и выбросило навстречу мне два плотных белесых сгустка, как будто желая охватить меня кольцом. Шаги впереди быстро удалялись, причем создавалось впечатление, что человек побежал, и под его ногами с шорохом осыпалась... галька!..

«Ну какая галька может быть в этом болоте?!» – С некоторым раздражением подумал я и шагнул навстречу туманному облаку. Оно всей своей массой потянулось мне навстречу, но когда я сделал второй шаг туман внезапно отпрянул, освободив сразу метра четыре захваченной им земли, и тут я увидел!..

Привычные тонкие, причудливо искривленные березки, выраставшие из промокшего травяного ковра расплывались в струящемся мареве, а сквозь это марево, сквозь березки и траву проступал крутой каменистый склон, по которому вилась узенькая тропка. И по этой тропке быстро катились мелкие камешки, словно их тронули с места ноги человека, только что скрывшегося за недалёким поворотом!

Я невольно оглянулся. Позади меня плотной стеной стоял все тот же, неизвестно откуда взявшийся туман, и разделяло нас всего метров пять привычного, чахлого леса. А из тумана доносились шаги нескольких людей... Шаги обутой в тяжелую обувь ног по ритмично хрустящему... гравию!!

«Словно два разных Мира сошлись в одном месте и переплелись нереальными друг для друга картинками, звуками... запахами! – подумал я, – А может быть произошел... разрыв пространственно-временного континуума, в результате касания двух различных реальностей!..» – припомнилась мне где-то вычитанная «умно-научная» фраза.

Между тем, уровень магического фона снова скакнул, и я почувствовал, как окутывавший меня магический кокон, здорово уменьшившийся со времени моего возвращения из Поднебесной, наливается новой силой, уплотняется и увеличивается в размерах. Получалось, что я контактировал с этим «другим»... нереальным Миром!

Если бы не это внезапное увеличение магического фона, я еще мог бы подумать о каких-нибудь миражах, зрительных и слуховых галлюцинациях организма, отравленного болотными испарениями. Но окружавшая меня Сила, мое собственное Могущество, быстро выросшее до знакомых мне пределов, не оставляли никаких сомнений – это был другой Мир, Мир, в котором можно было применять Искусство!!!

Единственным, что меня смущало было непонятное «смешение» миров. Все прежние мои переходы из Мира в Мир происходили через магические порталы по различным тоннелям перехода, а здесь!..

Пока я озирался и раздумывал о столь странном феномене, каменистый склон с осыпающейся по тропе каменной крошкой поблек и почти растворился в струящемся воздушном мареве, а березки и трава стали яснее... предметнее. Туман, стелившийся позади них, несколько истончился, и сквозь него снова проступил наш родной лесок. Шаги позади меня тоже стали глуше, неразборчивее, но когда я еще раз оглянулся, туман в той стороне был по-прежнему плотен и подступил... подкрался... ближе метра на два. А вот уровень магического фона еще подрос! На нашей милой, техногенной Земле такого фона просто не могло быть!

В этот момент я вдруг вспомнил о своем провожатом. Интересно, куда делся этот молодой ассистент, и почему он бросил меня одного в... совершенно незнакомой мне местности.

Оглядевшись, я решил двигаться потихоньку в том же направлении, в котором мы продвигались до нашествия этого странного тумана. «Пройду километра полтора, и если не найду Петра, поверну назад, к деревне, – решил я, – Может быть, он, бедняга, сам потерял меня в тумане и теперь ищет... беспокоится».

Однако, не прошел я и пары сотен метров, как желтовато-пепельное, стелющееся по траве облако снова обложило меня со всех сторон. Я остановился и зачерпнув малую толику Силы из своего кокона, свил несколько тонких нитей. Прошептав одно из заклинаний Нефритовой Книги – заклинание «Нового знания», я бросил свои магические нити в самую гущу окружавшего меня тумана и... ничего не почувствовал. Туман был просто... туманом, хотя и вел себя почти осмысленно, продолжал держаться в нескольких метрах от меня, следуя за всеми моими передвижениями. И тогда я, неожиданно для самого себя, мысленно позвал это странное облако:

«Ну, чего ты боишься?.. Почему ты не хочешь принять меня в себя?.. Разве я для тебя опасен?..»

Несколько секунд после моего «обращения» ничего не происходило, а затем стоявшая вокруг меня мутная стена рухнула и накрыла меня с головой!

«Что, доигрался?! – спросил я сам себя с изрядной долей раздражения, – и как ты теперь собираешься искать дорогу назад?!»

Постояв немного на одном месте, я все-таки решился потихонечку двигаться вперед, хотя даже в метре от себя не видел ничего. Таким образом мне удалось сделать несколько десятков шагов, а потом вдруг подул довольно сильный, порывистый ветер, туман начал стремительно редеть, и, спустя несколько секунд, от желтовато-пепельного облака, окутывавшего меня, ничего не осталось.

Я огляделся. Вокруг громоздились изъеденные трещинами скалы со скругленными, словно облизанными Временем, вершинами, без какого-либо намека на растительность. Сам я стоял на узкой тропе, убегавшей вверх и терявшейся меж разбросанных в беспорядке каменных обломков различной величины. Небо висело надо мной плотным темно-серым куполом, на фоне которого светлым расплывчатым пятном было намечено солнце. И на этом темно-сером фоне нереальными почти фиолетовыми рваными кляксами неслись грозовые тучи. Окружавшая меня каменная пустыня была мокра, как будто ее только что пролили грозой, пуста, словно живые существа всеми силами избегали этого проклятого места, и только ветер, сильный, порывистый ветер, насвистывал над моей головой нервную и в то же время насмешливую мелодию Чужого, Тревожного, Тусклого Мира!

Интерлюдия

Сияющая дана Хольна, высокая, белокурая красавица с тонким, нервным лицом, выразительными, но умеющими все скрывать глазами и знаменитыми на все Высокое данство изящными руками медленно шла по дорожке сада. Сегодня она устала, сегодня она опять все утро и половину дня посвятила своим изысканиям и... И опять ничего не нашла!

Уже три недели прошло с тех пор, как она, покинув свою столичную резиденцию, обосновалась здесь, фамильном замке сияющих данов Тонов, стоящем на берегу Святого океана. Блестящий двор высшего дана Горгота Безумного счел ее поспешный отъезд признаком беспокойства за мужа – от сияющего дана Тона, отправившегося с военной экспедицией в Трольи горы уже месяц не было вестей. Но на самом деле сияющая дана Хольна искала подтверждение некоторым своим догадкам... некоторым слухам, сплетням, давно уже забытым высшим светом Высокого данства, но... Она успела перерыть половину фамильной библиотеки, но пока ее поиски ничего не дали!

Ее действительно беспокоило молчание мужа, но совсем не в том смысле, в котором все думали. Она была четвертой женой сияющего дана, вышла замуж совсем молоденькой девушкой за весьма пожилого... да что там – пожилого, древнего!.. мужчину, и совсем не была им любима. Совместная жизнь, с жестоким, подозрительным и беспощадным человеком приучила дану к крайней осмотрительности и неторопливости. Вот и теперь она опасалась наделать ошибок. Именно поэтому она сейчас находилась там, где за ней некому было наблюдать, где ее окружали только самые преданные люди. Именно поэтому она сейчас находилась там, где, воспользовавшись отсутствием мужа и имея основание для своих поисков, надеялась отыскать оружие против этого, возможно живого еще старика!

Свернув к давно облюбованной ею беседке, прилепившейся на довольно крутом склоне прибрежного холма, дана Хольна сразу же увидела, что вольный дан Пард уже ожидает ее.

«Как я его вышколила, – удовлетворенно подумала дана, – Жаль будет его... терять, но оставлять его в живых тоже нельзя, как-никак... хм... – вечный укор!»

Хольна усмехнулась – даже в собственных мыслях она отвыкла говорить прямо.

Вольный дан стоял в глубине беседки, за небольшим круглым столом, на котором было разложено несколько листов бумаги. Как только сияющая дана поднялась по ступеням и вступила в тень беседки, он начал свой доклад:

– Отряд готов выступить, драгоценная дана. Все сделано, как вы приказали – ни одного человека из черных извергов, ни одного человека из приближенных к вам людей, и одновременно по всей округе пущен слух, что именно вы посылаете людей на поиски вашего мужа. Сорок человек верхом и с заводными лошадьми, все прекрасно владеют оружием, всем обещано по сорок золотых марок в случае возвращения доспехов сияющего дана Тона и по сто золотых марок в случае спасения самого дана.

Сияющая дана Хольна слушала доклад своего управляющего с отсутствующим видом, отвернув лицо в сторону лежащего внизу океана. Когда вольный дан Пард закончил, она перевела взгляд светлых, голубых глаз на него и спросила:

– Кого вы поставили во главе отряда?..

Вольный дан Пард усмехнулся:

– Некогого Квирта... Он утверждает, что является вольным данном в третьем поколении, но никаких доказательств этому нет. Мне кажется, Квирт участием в этом походе и надеется укрепить за собой незаконно взятое звание. Но боец он неплохой, я лично проверил, а некоторый избыток... э-э-э... усердия, я думаю, не помешает.

Дана Хольна мгновение раздумывала, а затем медленно проговорила:

– Отправляйте отряд.

Чуть помолчав, она снова посмотрела в сторону океана и неторопливо продолжила:

– Даже если они не найдут сияющего дана, я хотя бы буду спокойна – мой долг в отношении мужа будет исполнен. – Дана бросила быстрый взгляд на вольного дана. – Что-то подсказывает мне, что моего дорогого супруга уже нет в живых... Я гоню эти мысли но... Но даже если случилось непоправимое, мне хотелось бы вернуть его доспехи...

Она снова бросила взгляд на своего слугу, и тот счел необходимым ответить:

– Да, сияющая дана, кровавые доспехи вашего мужа безусловно должны вернуться в его родовой замок. Мне страшно подумать что будет, если ими завладеет кто-то посторонний...

– Именно, что посторонний! – перебила его дана Хольна, – если ими завладеет посторонний, – она бросила быстрый взгляд на вольного дана и с нажимом повторила, – а я уверена, что моего дорогого супруга уже нет в живых... Так вот, если доспехами завладел какой-нибудь... э-э-э... самозванец, с ним надо поступить, как с самозванцем! Кровавые доспехи должны перейти к человеку, бесконечно преданному дому Тонов, не так ли?!

На губы сияющей даны легла многообещающая улыбка, а вольный дан Пард подтянулся и кашлянул:

– Я буду рад служить сияющей дане в... э-э-э... любом качестве!

Улыбка даны стала еще более многообещающей, но в ее красивой головке мелькнула циничная мысль:

«Да, я права... ума ему явно недостает... Ладно, главное, чтобы он справился с этим... последним... поручением».

– Я рада, что вы меня понимаете, – ласково проговорила дана и легким движением пальцев коснулась щеки вольного дана, – Даже если сияющий дан Тон погиб, его доспехи должны вернуться ко мне!!

Последняя фраза прозвучала совсем не ласково, скорее это был жесткий приказ.

Жестом сияющая дана отпустила своего слугу, и снова повернулась к океану. Бескрайний водный простор, которого так боялись большинство ее знакомых, почему-то действовал на дану успокаивающе.

«В этом году должно состояться еще два похода в Трольи горы, сияющий дан Тротт и... не помню, как зовут второго. Эти безумцы сами ищут своей гибели... Но мой отряд в любом случае должен опередить оба выступающих войска. Не думаю, что мой безумный старик забрался в горы слишком далеко... Доспехи... Мне нужны эти доспехи!! Нужны!!! И я их верну!!!»

Глава 2

Поле боя после битвы принадлежит мародерам, дабы добро погибших не пропало втуне.

Со своего дохода семь десятых мародеры платят в казну.

В случае утаивания части дохода мародер отдается петле.

(Параграф шестьдесят шестой «Закона о войне» высшего дана Кара Третьего Варвара)

Оглядывал окрестности я недолго – во-первых, ничего интересного вокруг не было, местность была довольно однообразной, а во-вторых, я вдруг почувствовал, что в своей, полетному легкой одежке, мне холодно. Кроме того меня обеспокоила судьба провожавшего меня доктора Забродина – если он также оказался в этом Мире, ему будет ох как не сладко! Оглянувшись, я убедился, что тропа, на которой я стоял, довольно круто уходила вниз, к очень далекому лесу, и на ней не наблюдалось никакого движения. Спуститься другим путем было совершенно невозможно, потому что по обе стороны от этой узкой, странного тускло-желтого цвета, тропы стелились каменные осыпи, на которые я бы, например, ни за что даже ногу не поставил!

Из этого моего наблюдения следовало, что ежели Забродин «забрел» сюда, то скрыться от меня он мог, только продвигаясь вверх, к недалекому перевалу. Придя к такому выводу, я быстро зашагал в ту же сторону, надеясь согреться при ходьбе.

Как я уже отметил, горб перевала был совсем недалеко, метрах в семистах, но тропинка вилась довольно прихотливо, обходя осыпи и небольшие, но глубокие трещины, так что до вершины я добрался минут за тридцать. Дальше, на протяжении тридцати-сорока метров тропа шла абсолютно прямо, а затем нырнула вниз. Слева от тропы поднималась отвесная гранитная стена, а справа уходил вниз почти отвесный склон, усеянный разной величины камнями, непонятно каким образом державшимися на такой крутизне.

Я быстро миновал ровный отрезок тропы и остановился, перед моими глазами открылась противоположная сторона перевала. Она была столь же голой и безрадостно серой. Желтая нитка тропы сбегала вниз очень крутой петлей и, странно извернувшись, уже снизу вверх, приводила на широкую и ровную каменную площадку, некое подобия плато или каменного стола, располагавшуюся метрах в восьмистах прямо под тем местом, где я стоял. Площадка эта была раскрашена странными яркими пятнами, среди которых преобладали зеленые, но можно было заметить и оранжевый и охряный и голубой цвета. За этой площадкой тропка делалась более пологой и примерно через три километра нырнула между двумя темно-серыми скалами, образовывавшими нечто вроде природных ворот. Никакого движения на тропе заметно не было, так что можно было вполне обоснованно заявить, что Петя Забродин, врач и ассистент, благополучно остался в нашем милом Мире.

Я неуверенно оглянулся – мне надо было решить, идти ли по этой тропе дальше или попробовать вернуться назад... в свой Мир.

И тут мне в голову вдруг пришла занятная мысль – весьма вероятно, что все те эпидемии, которые, якобы генерировал наш N-ский район, на самом деле происходили отсюда, из этого тусклого, наполненного магией Мира!.. Если он, конечно, вообще обитаем... Я решил попробовать разобраться в этом деле и... шагнул вперед, вниз, в неизвестность!

Спуск по тропе потребовал от меня самого напряженного внимания, поскольку желтоватый, сильно намокший камень тропки оказался весьма скользким. Я даже не заметил, как оказался в нижней части петли, которую образовывала тропа, но мне стало значительно легче шагать вперед тогда, когда она стала ровнее, а затем постепенно пошла вверх, прямо по

дну врезавшегося в поднимающийся горный кряж, ущелья. Через несколько десятков шагов, сделанных мной гораздо увереннее, ущелье кончилось, и тропа вывела меня на виденное мной сверху плато. Тут я остановился, мне в лицо плеснуло слабым ветерком, пропитанным... трупной вонью!

Я поднял глаза. На самом краю плато, перегораживая выбегавшую на него тропинку лежало невероятное, ни на что не похожее существо. Более всего оно напоминало... огромный, три-четыре метра в поперечнике, лохматый... валун. Я никогда бы не признал в этом неподвижном истукане бывшее живое существо, если бы оно не было покрыто самой настоящей и довольно длинной, развевающейся по ветру блеклой рыжей шерстью, и в нем не торчало пары десятков стрел. Станных стрел!.. Их наконечники, глубоко вонзились в плоть мертвых монстров, а длинные древки были опалены почти до самого оперения, остававшегося почему-то нетронутым. Создавалось такое впечатление, что стрелы были смазаны каким-то горючим веществом, но было непонятно, почему древки не сгорели полностью?..

И тут, краем глаза я заметил, что из-под этого шерстяного валуна по желтому камню тропинки сбегал мелкий, уже застывший и стеклянисто поблескивающий ручеек ярко-изумрудного цвета. Я наклонился над этим ручейком и почти сразу же догадался, что вижу... кровь! Чуть дальше, также на самом краю обрыва, буквально свешиваясь с него, лежало еще одно такое же, нашпигованное темными стрелами, тело, за ним, шагах в двадцати еще два, почти рядом... Эти неподвижные великаны казалось специально опоясали всю эту плоскую каменную возвышенность, словно что-то... сторожили.

Осторожно перешагнув кровавый ручей, я медленно двинулся вокруг лежащего великана, стараясь повнимательнее его разглядеть, но так и не заметил хоть какого-то подобия конечностей или головы – сглаженный, словно окатанный водой и ветрами, каменный валун!

В этот момент моя левая нога проскользнула так, что я едва удержал равновесие. Невольно опустив глаза, я увидел такое, что меня едва не вывернуло наизнанку! Шагнув, не глядя под ноги, я наступил на голубую слизь кишок, вывалившихся из распоротого живота еще одного странного существа, размером и строением напоминавшего волка, но имевшего огромную безобразно голую и в тоже время почти человеческую голову с одним выпученным глазом, оттопыренными круглыми ушами и широко раскрытой пастью, украшенной дюймовыми клыками. Глаз, затянутый смертным бельмом, казалось пристально, с непонятным тщанием разглядывал меня!

Я с трудом оторвал взгляд от этого мертвого глаза и снова оглядел раскинувшуюся передо мной площадку. Моим глазам предстала картина ужасающей бойни!

Все пространство плато было буквально завалено мертвыми телами! Большею частью это были звероподобные существа, вряд ли наделенные разумом, но среди них я заметил пять-шесть коротышек, похожих на... гномов и трех довольно высоких мужчин вполне человеческого обличья с бледными, вытянутыми лицами, заостренными кверху ушами и длинными белокурыми волосами. Некоторые из этих мертвецов казались совершенно нетронутыми, словно прилегли отдохнуть, и только торчавшие из них стрелы показывали, что они мертвы, но большинство тел было искромсано в куски, так что невозможно было понять, как они выглядели при жизни. Те разноцветные пятна, которые я видел сверху, оказались лужами крови, а в самом центре этого жуткого плато, метрах в ста от меня, располагалась некая темная... нет, черная масса!

Стараясь дышать неглубоко, осторожно обходя раскиданные по камням тела, лужи крови и ошметки плоти, я двинулся к этой черноте, и по мере моего приближения, она стала распадаться на отдельные темные фигуры, в которых я узнал... людей!

Спустя несколько минут, я остановился около компактной группы одетых во все черное мертвецов. Их было десятка три-четыре, и все они были облачены в некое подобие формы, во всяком случае, покррой черных кожаных курток и штанов с нашитыми на них черными

же металлическими бляхами странной выпуклой формы был единообразным, так же как и форма надетых на головы шлемов с низкими, глухими забралами, и фасон высоких, выше колен, сапог.

Медленно, осторожно обойдя эту группу, я убедился, что никаких ран на мертвецах не было. Более того, их затянутые в черные перчатки ладони сжимали оружие, словно смерть пришла к ним мгновенно, даже не дав разжать пальцев. Но самое поразительное заключалось в том, что почти половина этих мертвецов... стояли!

А позади этого мертвого, прореженного строя я разглядел высокую, облитуую темным металлом глухого панциря, фигуру, без всякого сомнения бывшую предводителем всего отряда.

Однако, прежде чем приблизиться к этому предводителю, я наклонился над одним из лежащих мертвых воинов и с некоторым трудом стянул с него шлем. Моим глазам открылось бледное до синевы человеческое лицо, с выкатившимися, налитыми кровью глазами и безвольно открытым ртом, из которого вывалился распухший посиневший язык!

Я быстро накрыл мертвое лицо снятым шлемом и выпрямился, стараясь справиться с подступившей дурнотой. Человек явно умер от... удушья, но вот только слишком странным было это удушье... похоже, оно убивало мгновенно!

Немного придя в себя, я еще раз оглядел поле боя. Очень странное поле боя, на котором одна из армий – побежденная, была полностью, с невероятной жестокостью, истреблена, но и сами победители погибли по совершенно непонятной причине!

Мне вдруг стало тоскливо и очень захотелось назад, в родное земное болото, в N-ск, в мою дорогую редакцию, к моим милым «внукам Ильи Муромца»!.. Но как только я вспомнил о своих подопечных, о своих мальчишках, я вдруг понял, что не могу вот так просто взять и вернуться, не разобравшись, что происходит в этом тоскливом, в этом жестоком Мире, и как все здесь происходящее отзывается на Земле. Я уже был уверен, что все N-ские эпидемии берут начало здесь, в этом Мире, а значит надо было что-то делать!

«Что ты скажешь ребятам, если года через два они начнут умирать о какой-нибудь неизвестной на Земле заразы, которая просочится к нам отсюда, из этого Мира!» – сказал мне мой внутренний голос. Я с ним согласился, а согласившись... горестно вздохнул!..

Жуткая вонь ворвалась в мое горло, вернув меня от размышлений к действительности и заставив отшатнуться от лежавшего передо мной труп, закрыть глаза и надрывно закашляться. С минуту я не мог отдышаться, а когда все-таки пришел в более-менее нормальное состояние, то понял, что уже знаю, как «легализоваться» в этом Мире... Всего-то и надо было стать... мародером!.. Снять форму с подходящего мертвеца, надеть ее на себя и прихватить его оружие. Похоже было, что там, где я оказался, боевые ребята были не редкостью и пользовались уважением. Примкнув к одному из подобных отрядов, я вполне мог бы постепенно разобраться в причудах местной жизни.

Да, это был бы правильный ход, но все мое существо противилось этому «правильному ходу»!

«Интересно, какое наказание в этом Мире полагается за мародерство?! – тоскливо подумал я, – Надеюсь не расстреляние... через повешение!..»

Но другого пути «слиться» с местным населением, похоже, просто не существовало.

Я огляделся, отыскивая подходящего по росту мертвяка и вдруг подумал, что, вырядившись местным солдатиком, вполне могу закончить свое существование в такой же вот компании с вывалившимся до пояса языком!

И тут мне на глаза снова попала высокая фигура в глухом темном панцире, видневшаяся за строем вооруженных мертвецов.

Вытащив из кармана платок и закрыв им рот и нос, что, впрочем, мало спасало меня от пропитавшего все вокруг трупного запаха, я быстро направился к этой темной фигуре,

благо здесь можно было не смотреть себе под ноги! Пробравшись сквозь заслон из трупов, я с удивлением принялся разглядывать того, кого принял за командира этого «задушенного» отряда.

Представшие передо мной темные, с блеклым темно-красным отливом доспехи напоминали мне отлитую из давно свернувшейся крови статую... командора – того самого, о котором писал Александр Сергеевич, весь их вид выражал спокойное превосходство над всем окружающим с известной толикой угрозы каждому, кто усомниться в этом превосходстве! Даже личина шлема, повторявшая черты человеческого лица, но почему-то не имевшая отверстий для зрения и дыхания, выглядела весьма надменно!

Подстать доспехам было и вооружение этого рыцаря. В правой перчатке панциря покоилась короткая рукоять опущенной к земле двусторонней секиры, рукоять которой оканчивалась ременной петлей, охватывающей запястье. Слева, на широком, набранном из металлических колец, поясе висел широкий кинжал, с другой стороны на том же поясе в специальных небольших ножнах-карманах располагались три недлинных лезвия без рукоятей – явно, метательные ножи. Наконец, за правым плечом в простых темных ножнах располагался длинный узкий меч напоминающий эсток, но без обычной витой гарды. Его простая крестообразная рукоять торчала над плечом доспехов. И все-таки именно секира выделялась в вооружении рыцаря. Внимательно оглядев ее, я заметил на одном из лезвий странную мелкую насечку. Крошечные, гравированные неизвестным инструментом черточки не составляли какого-либо рисунка, а тянулись вдоль верхнего, тупого края лезвия, словно... некий счет! Я сосчитал насечки – их было двадцать шесть...

Потом я принялся тщательно исследовать панцирь.

Мне пришлось дважды обойти вокруг неподвижно высящейся фигуры, прежде чем я обнаружил едва заметную, тонкую, нитеобразную трещинку на спине доспехов, густо присыпанных пылью. Трещинка эта делила доспехи надвое сверху вниз и явно была местом их сочленения. Я протянул руку, провел пальцем по трещинке и вдруг понял, что раскрыть доспехи будет непросто! На них лежало заклятие!!

Однако, неожиданное препятствие только подхлестнуло мое желание заполучить их, даже отвращение к тому, что я должен был увидеть внутри этой металлической скорлупы, отступило, стерлось оттесненное азартом возникшего магического спора.

Я отступил на шаг, прикрыл глаза и неторопливо прочитал заклинание «Истинного Зрения». Когда я снова открыл глаза, передо мной по-прежнему стояла черная статуя командора, но теперь ее густо обвивали разноцветные нити нескольких наложенных на панцирь заклятий. И каждое из них выполняло свою, строго определенную функцию. Мне предстояло определить, какое из заклинаний запирает панцирь и... разобраться с ним!

Еще раз обойдя вокруг доспехов, я увидел, что на их груди, с левой стороны, магические нити сплетались в замысловатый узел-замок. Похоже, именно с этого узла и надо было начинать мою работу.

Отделив от своего кокона часть Силы, я принялся осторожно сплести точное подобие паутины, опутывавшей доспехи. Это было несложно, но требовало полной сосредоточенности. И по мере возникновения рядом с панцирем сверкающей копии магической паутины, ко мне приходило и понимание принципов чужого Искусства, и порядок сплетения магических формул действовавших заклинаний, и их состав, и техника их наложения и активизации. Стало проясняться предназначение каждого из задействованных заклинаний, уровень их мощи, их приоритеты. И, наконец, я определил заклинание, запирающее доспехи!

Одним движением пальцев я стер созданную копию и, немного передохнув, принялся исследовать выбранное заклинание. Оно было коротким, но весьма запутанным, с несколькими тупиковыми ответвлениями и закольцованными на самих себя периодами. Меня очень удивила эта запутанность, на мой взгляд, все можно было сделать гораздо проще и стройнее,

однако переделывать я ничего не стал, поскольку уже понял принцип действия этого заклинания. Необходимые для управления этим «чудом» магического Искусства звуки, пассы, движения и предметы я довольно быстро подобрал из собственного арсенала. Впрочем, весь этот магический набор нужен был мне только для подчинения заклинания, я надеялся, что впоследствии оно будет срабатывать от одного усилия моей воли!

А сейчас, я достал из заднего кармана джинсов завалившийся там обломок спички и осторожно уложил его на изгиб шеи панциря, точно вдоль обнаруженной мной трещины. Затем, сосредоточившись и повторив про себя порядок всех предстоявших действия, я начал читать уже составленный наговор подчинения чужой магии, сопровождая произносимые звуки – то, что срывалось с моих губ, назвать словами было нельзя, необходимыми пассажами и движениями тела.

Работа эта оказалась довольно утомительной, так что к концу я не только основательно, до пота, согрелся, но и почувствовал, что у меня сводит икры обеих ног! И все-таки я дочитал наговор до конца!

С минуту ничего не происходило. Я разочарованно наблюдал за спокойно лежащим на металле доспехов кусочком дерева и пытался понять, в каком из своих действий допустил ошибку, и в этот момент обломок спички едва заметно шевельнулся, а затем медленно пополз вдоль трещинки!! Его движение постепенно ускорялось, а трещина за ним явно расширялась. Вот крошечный кусочек дерева, скатившись между ягодиц статуи, исчез, а спустя мгновение во враз притихшем воздухе прозвучал тихий стон, словно от усталости порвалась третья струна на гитаре. И почти сразу же глухой шлем отделился от пластин, прикрывавших шею, и приподнявшись над плечами панциря, повис в воздухе. Спина доспехов раскололась по трещине и две тонкие кованые половины раскрылись, словно раковина невиданного моллюска!

Я отпрянул назад, ожидая, что из панциря вывалится бездыханное тело с обезображенным лицом, но... доспехи были пусты!!!

Это было настолько неожиданно, что я сделал шаг вперед и заглянул внутрь панциря, словно там, внизу, в металлических сапогах кто-то мог спрятаться. В лицо мне пахло живым теплом, как будто владелец доспехов только что оставил их.

Я отступил назад и снова оглядел поле битвы. Если предводитель этого мертвого отряда погиб вместе со своими людьми, то где его тело?.. Если он каким-то образом спасся, бросив собственные доспехи на произвол судьбы, то куда он мог скрыться?.. Тем более, что он не только выбрался из брони, но и успел снова ее... закрыть! А может быть отряд просто вез эти доспехи владельцу и... не довез их?!

Довольно долго я стоял в растерянности рядом с раскрытым панцирем, не зная на что решиться. Если владелец доспехов жив, то я, завладев ими, мог оказаться в весьма щекотливой ситуации... Как, впрочем и в том случае, если он мертв, и его смерть удостоверена свидетелями! И все-таки, в конце концов, я принял решение воспользоваться своей находкой – во-первых, это конечно же было более безопасным, нежели разгуливать по неведомой земле в джинсовом костюмчике и кроссовках, а во-вторых, мне было просто жаль бросать ценную вещь, над которой пришлось столько потрудиться.

Я снова подошел к доспехам и заглянул внутрь, теперь уже с целью рассмотреть их устройство.

Внутри металл панциря был выложен какой-то мягкой тканью, пронизанной мерцающими нитями еще одного... нет, пожалуй, еще двух заклинаний, действовавших совершенно автономно. Почти сразу мне стало ясно, что эти короткие, весьма точно сформулированные заклинания просто обеспечивали владельцу доспехов комфортное пребывание в сей металлической скорлупе. Я глубоко вздохнул и... полез в доспехи.

Разместив свои конечности в предназначенных для них частях панциря, я мысленно приказал ему закрыться. В то же мгновение в воздухе снова прозвучал печальный стон лопнувшей струны, и я почувствовал, как спинные пластины с тихим лязгом сомкнулись, а мне на голову начал медленно опускаться шлем. Только в эту секунду я вспомнил, что личина шлема не имеет «технологических» отверстий, но ни растеряться, ни испугаться не успел. Шлем встал на свое место, и я обнаружил, что прекрасно вижу окружающий пейзаж – изнутри шлем был... прозрачным!

Трижды я приказывал панцирю раскрыться и закрыться, и все три раза он беспрекословно мне повиновался. Внимательно изучив конструкцию шлема, я понял, каким образом можно откинуть личину-забрало – оно поднималось вверх. Кроме того я обнаружил, что металлические пластины, прикрывающие голени и предплечья, сдвигаются, открывая узкие и длинные карманы. Затем я попробовал взмахнуть секирой, рукоятка которой была зажата в правой перчатке панциря. Естественно, что мой рывок соответствовал предполагаемому весу секиры, однако, как оказалось, я сильно преувеличил этот вес... Моя рука взметнулась вверх так, словно в ней вовсе и не было тяжеленного двухлезвийного топора, и сама она не было облита кованой сталью. Видимо, одно из наложенных на доспехи заклинаний выполняло роль гидро... или вернее, магоусилителя.

«Да, драться в таком обмундировании удобно... – довольно подумал я, – Глядишь, здесь еще и встроенный кондиционер имеется!»

Впрочем, пока что мне не было жарко... правда и холода я уже не ощущал!

Зато внезапно я ощутил нечто совсем другое... Словно кто-то совершенно чужой, безразлично-спокойный, надменным холодным взглядом посмотрел из... моего внезапно оцепеневшего мозга на... меня самого!.. Посмотрел и высокомерно усмехнулся. Затем, все тем же холодным, надменным взглядом оглядел мертвые окрестности, чуть задержал взгляд на остатках черного отряда и... подумал: «Жаль!.. Хорошие были вояки... И победа была в наших руках... Ну да ничего, у меня осталось не мало таких же, ничуть не хуже этих... И я еще вернусь сюда...»

Чужой холодный взгляд снова скользнул по окружающему меня побоищу и чужая мысль была додумана до конца: «В этих горах прячется еще много троллей и... прочей нечисти! В этих горах еще есть для меня работа!»

Тут я, словно очнувшись от некоего наваждения, крепко зажмурился и потряс головой. Когда я снова открыл глаза... все было в полном порядке – ни чужих взглядов, ни чужих мыслей...

Я немного постоял неподвижно, прислушиваясь к себе, и, облегченно вздохнув, еще раз огляделся. Пора было продолжать путь по желтой тропе, но тут мне пришло в голову, что рыцарь в таких роскошных доспехах пешим будет выглядеть достаточно... нелепо. Он просто обязан был ехать верхом, а вот никакого верхового животного поблизости не наблюдалось! Я, собственно говоря, даже и не знал, как выглядят местные иноходцы – вполне возможно, что благородные сэры, лорды, шевалье и идальго этого Мира скачут на верблюдах, ламах или единорогах... Хотя, мой опыт показывал, что лошади распространены во многих обитаемых мирах.

Так что я решил обеспечить себя лошадей, а дальше посмотрим по обстоятельствам.

Отделив от своего магического кокона некоторую часть, я принялся составлять заклинание Призрачной Плоти. За основу я взял свое умение превращаться в дракона, вернее создавать дракона из собственного магического кокона. Правда теперь мне надо было получить лошадь... Лошадь взнузданную и оседланную, которая понесла бы меня на своей спине, а не прятала внутри своего тела, как это делал дракон, а это оказалось достаточно трудной задачей.

После двух совершенно неудачных попыток, я даже не буду рассказывать, что за монстры у меня получались, мне наконец удалось сплести сложное, с тремя перехлестами и двумя тройными петлями, заклинание и получить нечто, весьма похожее на лошадь. У нее было четыре ноги, длинная грива и хвост, вытянутая морда – все, что положено иметь коняшке. Более того, это существо покорно подставило мне свою спину, оснащенную весьма неплохо получившимся седлом, имевшим под правой ногой странный косой карман без дна. Вот только было оно пурпурного цвета и... просвечивало, словно неплотный клоч тумана!

Однако я решил прекратить свои магические изыскания и довольствоваться получившимся зверем – в конце концов, «лучшее – враг хорошего», а по мне лошадь была хороша!

Я назвал ее Пурпурная Дымка, а она мотнула головой, видимо, соглашаясь с этой кличкой. И вот, верхом на призрачной лошади, не выпуская из правой руки рукояти положенной на передок седла секиры, а левой подобрав поводья, я двинулся прочь с места побоища в сторону темно-серых скальных ворот, за которыми исчезали желтая тропа.

Дымка ходко шла по тропе, а я снова задумался о странном феномене касания двух миров, в результате которого из одного Мира в другой перетекает всякая зараза! Мне вдруг стало интересно, а что Земля переправляет в этот Мир в обмен на его... э-э-э... эпидемии.

Впрочем, эта тема долго меня не занимала, я вдруг почувствовал некое неудобство, словно чего-то не хватало в моем достаточно быстром и плавном передвижении по горной тропе. Я огляделся. Справа и слева от тропы расстилались все те же каменистые осыпи, позади них высились скалы самых разных оттенков серого цвета, впереди выросли ворота, между которыми проскальзывала желтая нитка тропы. Окружающая тишина нарушалась только легким позвякиванием моего вооружения... И тут до меня дошло! Тишина!! Я не слышал топота копыт!!!

Наклонившись вперед я попытался как следует разглядеть ноги моего иноходца, и через минуту понял, что быстро мелькающие перед моими глазами тонкие сгустки пурпурного тумана оканчиваются неким подобием... львиных лап! Моя Дымка ступала совершенно бесшумно!!

«Ну вот!! – удивленно и в тоже время очень довольно подумалось мне, – А я хотел развезть это создание. Да ему цены нет!!»

Но вот моя странная лошадь оказалась между двух совершенно отвесных темно-серых гранитных стен, вставших по обе стороны от желтой каменистой тропы. Сразу же резко стемнело, словно пасмурный плаксивый день мгновенно превратился в поздний беззвездный вечер, готовый разразиться холодным дождем. К тому же воздух над тропой стал промозгло-сырым, и мне в спину задул несильный, но упрямый ветер.

Однако моя призрачная лошадка совершенно не реагировала на изменение погоды, продолжая продвигаться вперед спокойной неутомимой рысью, и только ее длинная грива волновалась под напором ветра.

Чем дальше мы углублялись в это странное, словно прорубленное в скале одним ударом меча ущелье, тем темнее и угрюмее оно становилось. Высящиеся по сторонам гранитные стены плавно перетекли из темно-серого цвета в антрацитовый, и только тропа под лапами моего иноходца оставалась желтой, и даже приобрела некий золотистый отсвет. А впереди, как мне казалось, царил уже совершеннейшая чернота, словно гранитные стены смыкались там, превращая ущелье в некий непроходимый тупик!

Спустя несколько минут, я действительно уперся в тупик и не сразу понял, что тропа просто резко сворачивает вправо, ныряя в еще более тесное ущелье. Повернув, я двинулся по столь узкому коридору, что мог бы коснуться стен ладонями, а высоко-высоко надо мной чуть светлело далекое серое небо. А потом исчезла и эта светло-серая полоска – я оказался в высоком тоннеле или, точнее, в узкой высокой пещере. В полной темноте только узкая золотистая полоска тропы чуть отсвечивала под лапами моей лошадки, как будто некая нить, не

дававшая нам окончательно заблудиться. И Пурпурная Дымка упорно продвигалась по этой ниточке не меняя своего неторопливого аллюра. Это лошадиное спокойствие передавалось и мне, так что я только похмыкивал, встречая все новые и новые повороты на своем пути и каждый раз повторяя при этом: «Ничего, куда-нибудь мы все равно приедем!»

Правда я все-таки наговорил заклинание Истинного Слуха, поскольку слух в такой темноте был гораздо важнее зрения, но окружающая меня тишина ничуть от этого не изменилась.

Скоро я потерял счет времени и уже плохо представлял какое расстояние прошла моя лошадь, я даже стал, как мне показалось, слегка придремывать... И именно в это момент в окружающей меня тишине раздался странный низкий, едва слышный, но при этом явственно угрюмый шепот. Я мгновенно произнес заклинание Полного Понимания и услышал:

– ... но ведь он... развеян!.. Его накрыло дыхание Небесной Матери!!

– Ну, значит, Гвай что-то не так увидел, или не понял... или просто ошибся... – ответил ему другой, не менее тихий шепот, только чуть более высокий по тону. – Ты же видишь, вот он едет собственной персоной!..

– Как Гвай мог ошибиться, когда он сам был на Столе Скорби?! Он сам участвовал в последней битве против черных извергов сияющего дана Тона! Он сам видел, как Небесная Мать накрыла этих выродков и их дана своим дыханием!!

Судя по тону, которым была произнесена последняя тирада, этот невидимый угрюмый шептун был весьма раздражен. А вот отвечавший ему невидимка был гораздо более спокоен... я бы даже сказал – безразличен:

– Ну ты же сам видишь, что сияющий дан Тон жив, здоров и... невредем, – повторил он и, выдержав секундную паузу, добавил: – И посмотри, какой странной зверюгой он обзавелся!..

«Все-таки они шепчутся обо мне!.. – подумал я с некоторой тревогой, – И о моей лошадке!»

И словно в подтверждение моей мысли ворчливый шептун произнес:

– А может шарахнуть его по башке каменюкой?.. Моя каменюка любой шлем проломит!..

– Можешь попробовать... – все так же безразлично ответил тонкоголосый, – Только я боюсь, что ты не успеешь его ударить, он быстрее достанет тебя своей секирой. А лезвия его секиры, как ты должен знать, рассекают любой камень... Так что, пробуй, если хочешь, а я лучше смотаюсь в Зал Совета, предупрежу Норка, что Гвай ошибся и сияющий дан Тон жив!..

Послышался слабый шорох и вокруг меня снова воцарилась тишина.

Тем не менее, я крепче сжал рукоять своей страшной секиры, готовясь отмахнуться ею при первом намеке на какое-либо движение в мою сторону.

Однако никакого движения, даже движения воздуха не последовало. Прежняя тишина и прежнее безмолвие окружали меня. Мне даже показалось на мгновение, что услышанный мной диалог был просто сонной грезой... Но для «сонной грезы» он был слишком... содержательным!

И если вникнуть в содержание этой «грезы», получалось, что звали меня сияющий дан Тон... к-хм, потом разберемся что это за титул, но, судя по всему, титул не маленький. Кроме того, меня не должно было быть, потому как меня «накрыла дыханием», видимо... прикончила, какая-то «Небесная Мать»!.. Кто бы мог носить такое странное, похожее на одно из наших ругательств, имя?! К-хм... опять-таки, разберемся позже. Да, эта «Мать» меня прикончила в том случае если некто Гвай (снова непонятно кто!) не ошибся и все правильно разглядел на Столе Скорби, где присутствовал лично. Ну, что такое Стол Скорби и кто такие черные изверги сияющего дана Тона я знал совершенно точно!! Сам, лично видел,

можно сказать, смертный оскал одного из этих извергов. Кстати, судя по бойне, устроенной на Столе Скорби, эти ребята в черной форме вполне соответствовали своему названию – «изверги»!..

И тут мои размышления прервало... светлое пятно, неожиданно появившееся впереди!

Пурпурная Дымка как раз выполнила очередной резкий поворот, и за ним тоннель, по которому я продвигался, оказался чуть подсвеченным. Свет падал из далекого овального отверстия, судя по всему выпускавшего желтую тропу из горы на поверхность Мира.

«А вот и долгожданный выход!..» – с глубоким удовлетворением подумал я. И в этот момент в моей голове снова возникла чужая презрительная мысль: «Глупец, ты что же не понял, что слышал троллей?! Смотри, как надо действовать в этом случае!»

Немного впереди, справа, послышался слабый шорох, словно по каменной стене протекла струйка сухого песка, а сама стена вдруг выгнулась вперед чудовищным брюхом, преграждая мне путь! Моя правая рука мгновенно выбросила вперед и чуть вверх серебристое лезвие секиры, и я почувствовал, как оружие со странным чмокающим звуком входит в камень. Вслед за этим моим ударом прозвучал жуткий, оглушающий рев! Стена в которую чуть ли не до рукоятки вонзилось лезвие секиры дернулось в резкой конвульсии, едва не вырвав из моей руки рукоять оружия, в забрало моего шлема брызнуло чем-то зеленым, а затем на мой затылок обрушился страшный удар.

«Рухнул потолок тоннеля!..» – подумал я валясь набок со своей лошадки, и сознание мое померкло.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я начал снова воспринимать окружающий мир. В голове пульсировала тупая тянущая боль, перед закрытыми глазами плавали яркие радужные круги. Я попытался пошевелиться, но тело отказывалось меня слушаться, руки и ноги были неподвижны, словно их удерживала некая непреодолимая сила. И тогда я сделал единственно на что оказался способен – открыл глаза и... осмотрелся.

Моя брменная плоть, по-прежнему упакованная в чужие доспехи, находилась в огромной пещере, очень слабо освещенной неким голубоватым мерцанием, рассеянным в воздухе. Справа, шагах в четырех от меня, неподвижно стояла какая-то темная тень, чуть колышущаяся, словно туман в безветренную погоду. Я долго приглядывался к ней, но так и не смог понять, что же это такое. Зато, едва оторвав взгляд от этой тени, я понял причину своего паралича – мое тело было распластано на здоровенной каменной плите, ноги, руки и шею плотно охватывали толстые металлические скобы, вбитые в камень. Именно эти скобы и не давали мне пошевелиться, и хорошо еще, что мне удавалось слегка поворачивать голову.

Надо сказать, что осознав положение в котором оказался, я вдруг... успокоился – ущерб, нанесенный моему здоровью явно был незначителен, мои конечности были в полном порядке, тело и разум не пострадали и даже головная боль несколько отступила, утихла, хотя все еще давала о себе знать нечастыми ритмичными толчками. Думать, соображать она мне уже не мешала, но, как вы сами понимаете, мысли мои были достаточно тоскливы.

«Значит это все-таки не потолок в тоннеле рухнул... Просто тот ворчливый паразит... тролль... достал-таки меня своей... „каменюкой“. И теперь, выходит я в плену... вот только пока не ясно у кого!..»

Тень, клубившаяся невдалеке, снова чуть вздохнула и качнулась в мою сторону, но не приблизилась, а медленно потянулась прочь. Я с определенной долей тревоги вглядывался в ее странные «качания», но быстро убедился, что мне она ничем не угрожает... Пока не угрожает.

«Подведем промежуточный итог... – продолжил я свои скорбные размышления, – Оружие я потерял, лошадь потерял, двинуться не могу... Или все-таки могу?!»

Я снова попробовал пошевелиться, и снова у меня ничего не получилось.

«Интересно, зачем меня так прочно... пришилили?... – появилась у меня несколько даже ироничная мысль, – Неужели мой пленитель настолько неуверен в своих силах, что даже совершенно оглушенного человека побаивается?... Или он... они... ну в общем те к кому я попал, собираются учинить со мной какую-нибудь пакость?... Типа неторопливого растаивания за ноги и за руки в разные стороны с целью... э-э-э... постепенного разрывания?...»

От этой мысли мне стало совсем нехорошо и я постарался дать своим мыслям несколько иное направление.

«А что там с моим магическим коконом?!»

Я быстро прощупал пространство пещеры на предмет магического окружения. С коконом, как оказалось, все было в полном порядке – он несколько не уменьшился и не ослабел, а вот общий магический фон в этой пещере был каким-то странным... плотным и затхлым. Словно дикая, неприрученная Сила была сжата, стиснута, а затем... скисла, забродила от... От бездействия!!! Я привык, что неупорядоченный магический фон, из которого я черпал Силу для своего кокона, всегда вел себя агрессивно, яростно, всегда куда-то стремился, рвался, или хотя бы метался в неосознанном поиске, а здесь все было спокойно... Нет, не мертво, магический фон присутствовал, но он был спокоен... безразличен... инертен!.. И в тоже время страшно напряжен, словно готовился к мощному взрыву!

Это было необычно и интересно! Я решил разобраться в этом странном феномене. Прикрыв глаза, чтобы меня не отвлекали всякие там колышущиеся тени, сформировал длинные, тонкие магические жгуты и протянул их во все стороны от себя, но ничего не почувствовал – вокруг меня царило спокойствие. Однако я продолжал шарить по всему пространству пещеры, по ее углам, щелям, под разбросанными вокруг камнями, по странному, свисавшим с потолка каменным наростам.

И вот, когда я уже совсем отчаялся хоть что-то найти, кончик одного из самых длинных моих жгутиков коснулся некоей упорядоченной конструкции. Это была уже не дикая Сила, это было... Заклинание! Старое, древнее, дремучее заклинание, до сих пор не рассыпавшееся только из-за того, что его опоясывали три магических формулы самосохранения, да и эти формулы уже «дышали на ладан». И тем не менее именно это заклинание удерживало магический фон пещеры в столь необычном для него покое. Удерживало... едва-едва!..

«Интересно, что произойдет, если свернется хотя бы одна из этих формул?...» – с интересом подумал я, любуясь изяществом старинного Искусства, и тут же понял, что знаю, каким образом можно мгновенно развалить все три магические формулы...

Представить, что же произойдет после этого, мне помешали, я вдруг услышал уже знакомое шуршание сухого песка по голому камню и быстро открыл глаза. В десятке шагов от меня, справа и слева, выросли две огромные тени. И тени эти медленно приближались!

Через пару секунд я понял, что вижу уже знакомые мне косматые валуны. Правда эти двое весьма сильно отличались от тех, что я встретил на плато. Во-первых, длинная рыжая шерсть, покрывавшая этих двоих была отнюдь не блеклой, а я бы сказал... сияющей. Она отблескивала в темноте масляным рыжим сиянием, словно ее только что промыли бальзамом с ополаскивателем, как постоянно талдычат в наших рекламах. Во-вторых, эти валуны имели в своей верхней части здоровенные округлые нашлепки, отдаленно напоминающие головы, правда, головы, совершенно лишённые шеи. Эту похожесть усиливало еще и то, что сквозь сияющую рыжую шерсть на этих «головах» просверкивали большие зеленовато мерцающие глаза. Имелись у этих валунов по две коротких, но очень толстых руки, которые сжимали здоровенные каменные дубины. Дубинки эти, надо сказать, высотой были с меня, а толщиной сильно меня превышали. Перемещались эти существа на чрезвычайно коротких и чрезвычайно толстых ногах, напоминавших тумбы, что не мешало, однако, двигаться им очень быстро и почти бесшумно.

«Так, – заметалась в моем мозгу отчаянная мысль, – Теперь мне ясно, кто именно меня... прихватил!»

Тут мой взгляд снова упал на оружие каменных великанов и мне стало ясно что именно сердитый шептун в тоннеле называл «каменюкой»!

«Но если именно такой дубинкой приложились к моему затылку, то... как же я остался жив?!!» – изумленно подумалось мне, и я сразу сильно зауважал свои доспехи и того, кто их смастерил.

Между тем двое «валунов» остановились шагах в трех от плиты, на которой я отдыхал, и принялись меня рассматривать. Осмотр длился несколько минут, а затем они заговорили, не поворачивая друг к другу голов.

– Так, так, так... – глухо забубнил правый, – Значит, ты говоришь, именно вы встретили сияющего дана у четвертого поворота шестой аллеи?..

– Именно так, Норк, – ответил левый, – Он ехал на вот этом звере!.. – И валун ткнул своей каменной палицей в сторону вздыхавшей рядом со мной тени.

«Да ведь это... Пурпурная Дымка!.. – догадался я, – Значит, моя лошадка рядом!»

Правый валун быстро переступил ногами-гумбами и всем телом повернулся в указанном направлении.

– Странный зверь... – протянул он, – таких зверей в наших горах не водятся...

– Не водится, – согласился левый, – Мы его еле догнали... Еще немного и зверь выскочил бы... под солнце, но Бугр успел загородить выход.

– Так, так, так... – снова забормотал тот, которого назвали Норком, – Вы встретили сияющего дана, а он проехал мимо и не обратил на вас никакого внимания?.. Не поднял свою секиру, не напал, не побежал прочь?..

– Нет, просто проехал мимо... – ответил левый, – Мы еще некоторое время рядом держались, а он все ехал и ехал... И нас не замечал...

– Или просто не обращал на вас внимания! – крайне недовольным тоном пробормотал Норк и после короткой паузы добавил, – или сделал вид, что вас не замечает.

Они помолчали, а затем Норк, вдруг заговорил быстрым резким голосом, так не вязавшимся с его прежним бормотанием:

– Вы, позор племени горных троллей, два недоумка способных только размахивать каменюками! Неужели ни у одного из вас не хватило ума сообразить, что сияющий дан Тон со своим Ужасом камней и без черных извергов способен расправиться с дюжиной таких каменноголовых истуканов, как вы. Или вы не видели, что он устроил на Столе Скорби?! Там ведь остались двенадцать горных троллей, не считая сотни воинов из других племен!! А вы, значит решили вдвоем его пристукнуть?!!

– Я не решил!.. – Буркнул второй тролль, – я сразу побежал в Зал совета, чтобы сообщить тебе о... ну... что сияющий дан приехал...

– Сияющий дан приехал!.. – передразнил его Норк. – Сообщить мне... Что ж не сообщил?!!

– Так тебя ж не было!.. – обиделся второй тролль.

– А ты что, не знал, что я отправился к серым стуканцам... по делу?!

– Знал, – сознался второй тролль, и тут же огорченно добавил, – забыл...

– Забыл!.. – снова передразнил его Норк, – как ты шерсть свою расчесать не забыл!.. О, Небесная Мать, что ты напихала в головы этих недоумков!!!

Видимо, этот вопль троллей души окончательно достал второго тролля, и теперь уже он заговорил быстро и довольно визгливо:

– Ну чего ты стонешь тут – «сияющий дан Тон...», «расправится с дюжиной...», «Ужас Камней»... вот же он лежит прикованный на жертвенной плите, и Ужас Камней валяется

рядом, и животного его стоит привязанная! Один удар каменюкой, и нет никакого сияющего дана!..

– Нет!!! – буквально взревел Норк, перебивая своего товарища, – Ты, Брюл, значит, думаешь, что человека выжившего после дыхания Небесной Матери можно свалить какой-то каменюкой?!! Да ты самый полный, окончательный, бесповоротный и дурной дурак из всех самых дурных троллей!!! Дурнее тебя только твой дурной дружок Дрык, который ударил сияющего дана палицей!!!

Брюл, названный «окончательным дураком» стоял, уставившись на меня своими зеленовато мерцающими глазами, и между его туловом и его головой образовалась странная, довольно широкая щель, напоминающая... открытый рот. А Норк, бывший, без сомнения, предводителем горных троллей, продолжал свое «наставление»:

– Ты думаешь сияющий дан Тон спроста располосовал твоему дружку брюхо, вместо того чтобы просто снести ему голову?!! Ты думаешь он спроста подставил этому тупице, Дрыку свой затылок?! Думаешь это и самом деле Бугр остановил его зверя?! Дураки!!! Да сияющий дан наверняка все это сделал специально!!!

– Специально?! – опешил «дурак», – Зачем?!!

– Зачем!.. – опять передразнил его Норк, – Да затем, чтобы попасть в Священный Зал нашего Дворца!!! Вот вы сами его сюда и притащили!!!

– А откуда ж он знал, что мы его... что мы притащим в Священный Зал?.. Его... Мы же его могли...

– Не могли! – зло оборвал заикастое бормотание своего товарища Норк, – Сияющий дан точно рассчитал, что такую жертву, как... сияющий дан вы потащите в Священный Зал, на жертвенную плиту!!!

Норк замолчал, задохнувшись в собственной ярости, а отчитываемый тролль явно не знал, что сказать в свою защиту. С минуту в Священном Зале висело молчание, а затем Брюл растерянно спросил:

– Так что же теперь делать?.. Может вышвырнуть этого дана из нашей горы вместе с его секирой и его зверем?..

– Вышвырнуть?! – презрительно бросил Норк, – Расшвырялся, умник!..

Помолчав еще минуту он вдруг повернулся и направился вглубь пещеры, пробормотав на ходу: – Пойду, посоветуюсь с Небесной Матерью...

Рядом со мной остался один Брюл. Он долго смотрел на мою распростертую фигуру и явно о чем-то размышлял. Потом, переступив ногами, он повернулся, уставился на Пурпурную дымку и рассматривал ее довольно долго. Затем, сделав несколько шагов вперед, тролль очень смешно наклонился, словно валун его тела просто перекатился на подствках-ногах, и принялся рассматривать что-то лежащее на полу пещеры. Несколько раз он протягивал вперед руку, но так и не решился взять то, что рассматривал.

Наконец тролль выпрямился, развернулся и, словно приняв некое решение, быстро скрылся в темноте зала.

Шуршание его шагов стихло, однако в одиночестве я оставался недолго. Буквально через десяток минут снова послышался шорох песка, стекающего по камню и из темноты выступили три тролля. Подкатив к моей плите, они остановились, минуту помолчали, а затем стоявший слева заговорил, и по голосу я сразу же узнал «окончательного дурака» Брюла:

– Ну что, выкинем его из нашей горы?!

– Выкинем, – глухим басом буркнул тролль, стоявший справа, – пока он не очнулся... И зверя его выкинем... Прямо в пропасть. А Ужас Камней не выкинем, пусть у нас остается!

– А зачем тебе Ужас Камней? – не поворачиваясь, поинтересовался средний, – Ты же все равно не возьмешь его в руки.

– Но если секира сияющего дана Тона останется у нас в горе, ее не сможет взять в руки никто из... других данов, – резонно ответил средний тролль, – и тогда она уже не будет Ужасом Камней...

Он помолчал и довольным тоном добавил:

– Мы будем звать ее Пленницей Камней!.. Ха!..

– Давайте быстрее вышвырнем сияющего дана!.. – поторопил Брюл своих товарищей и сделал шаг в направлении моего распростертого тела. – Я возьму дана, а вы выводите его зверя!..

– Но если в пропасти дан очнется, он сможет снова прийти за своей секирой!.. – с сомнением проговорил разумник, стоявший в центре, – может, стукнуть его еще раз каменюкой?..

– Да били его уже каменюкой, – нетерпеливо возразил Брюл, – Дрык бил, а лучше Дрыка никто из нас каменюкой не владеет...

– Теперь Дрык каменюку и не поднимет... – возразил левый, но Брюл не позволил сбить себя с мысли:

– Норк говорит, что сияющего дана Тона каменюкой не возьмешь, раз его даже дыхание Небесной Матери не уничтожило... Так что надо его просто выкинуть из нашей горы... А если он придет себя на дне пропасти, то может быть и не вспомнит, как туда попал... А зверя его мы вышвырнем с другой стороны, зверь убежит и никогда дана не найдет!..

– Да?! – засомневался левый тролль, – А если найдет?! Если у него такой же нюх, как и лапы?! Тогда он точно дана снова сюда привезет, он ведь дорогу-то будет знать!..

Тролли замолчали, и их молчание длилось довольно долго. Наконец умник из середины предложил:

– Давайте лучше мы его принесем в жертву Небесной матери, как раньше собирались... пока Норк не приперся! Жертва Небесной Матери еще ни разу не возвращалась... Тогда и зверь сияющего дана нам не страшен!

– Приносить жертву без Норка?.. – засомневался Брюл, – Еще никто кроме Рыжего Норка не приносил жертву... Я даже не знаю, как это надо делать...

– Я знаю!.. – буркнул басом левый, – Я хорошо следил за Норком... несколько раз... Ничего сложного нет.

До этого момента я лежал совершенно неподвижно, но тут мои нервы не выдержали.

«Знаток хренов!.. Добратся бы мне до твоей рыжей шкуры!» – со злостью подумал я, и неосторожно сжал кулаки.

– Смотрите, он приходит в себя!!! – заволновался Брюл, – Давай, Бугр, приноси его в жертву скорее, а то он!..

Бугр не дал своему другу договорить, что именно я «а то», он немедленно начал отдавать распоряжения:

– Значит так! Ты, Брюл, становись справа от жертвенной плиты и запевай гимн Небесной Матери. Ты, Скилл, становись слева и читай Просьбу о снисхождении к нашей жертве. А я буду управлять механизмом жертвенника!

Два тролля быстро переместились на указанные им места и принялись, перебивая друг друга, немзыкально орать странными вибрирующими голосами, а третий наклонился вперед и принялся шуровать у основания моей плиты.

Мне сложно было следить за Бугром, поскольку видел я только его похожую на огромную кочку рыжую волосатую спину. Поэтому я прислушался к странным звукам, которые издавали двое других. Через несколько секунд я к своему удивлению уловил в этой какофонии некий общий ритм, а затем вдруг почувствовал, что этим «пением» мне явно стараются что-то внушить! Я прислушался еще внимательнее и в это мгновение!..

Все мое тело принизала дикая, оглушающая, беспощадная боль! Она вспыхнула в моих ногах, пробежала, как по запальному шнуру, по позвоночнику и взорвалась в моей голове, погасив на долгое мгновение сознание. Когда я очнулся, мое тело буквально купалось в боли – болела каждая мышца, каждый сустав, каждая жилка. Мои внутренности свились в тугой одеревеневший узел, стянутый болью, руки и ноги вывернулись в судороге, голова налилась раскаленным свинцом, глаза, казалось, вот-вот лопнут от внутреннего напряжения, а в уши грохотом отбойного молотка вгрызалось «пение» троллей!

Я не знаю, сколько времени продолжалась эта пытка, но боль кончилась так же неожиданно как и началась. Мое тело вдруг стало легким, невесомым, мне казалось, что если бы не доспехи, я воспарил бы к потолку пещеры, несмотря ни на какие скобы. Только прокушенная губа неприятно саднила, да мешала кровь, залившая подбородок. И почти сразу же раздался испуганно-недоумевающий голос Брюлла:

– Нет, Бугр, ты делаешь что-то не так!!! Он молчит, а должен вопить... Если сияющий дан будет молчать, Небесная Мать не примет нашу жертву!!

Бугр выпрямился и изучающее уставился на меня своими, просвечивающими сквозь шерсть, зелеными глазками.

– А может быть он... того... дохлый?.. – донесся с другой стороны плиты глухой бас Скилла.

– Ничего не дохлый! – обиженно возразил Брюлл, – стала бы дохлого дана жертвенная плита держать?! Глянь, как она в него вцепилась!

– Тогда надо еще разок попробовать... – пробурчал Скилл. – Как ты, Бугр, можешь еще разок попробовать?..

Последовала секундная пауза, после чего Бугр согласно вздохнул:

– Ну, давайте еще раз, только быстро, а то как бы Норк не вернулся... Он тогда нам... попробует!..

Два рыжих валуна по обе стороны от моей плиты снова затянули свою немзыкальную песню, а Бугр наклонился к основанию плиты.

«Еще раз я не выдержу!!! – вспыхнула в моей голове паническая мысль, – надо что-то делать!!!»

Но что можно сделать, будучи прикованным к каменной плите, со стянутыми до совершенной неподвижности руками и ногами... Разве, вот только... мои пальцы обладали необходимой подвижностью, только на что они были способны?!!

Мой взгляд заметался по пространству пещеры, пытаюсь отыскать хоть какой-то путь к спасению от готовой прийти боли... Невыносимой боли!!! А пение троллей, как и в первый раз, уже начало снова просачиваться в мой разум, уговаривая меня, втолковывая мне какую-то неправую, извращенную истину!

И в этот момент мой взгляд разглядел в темной глубине пещеры некое странное, тусклое на границе ультрафиолета, мерцание.

«Заклинание! – Мгновенно вспомнил я. – Старинное заклинание, сковывающее дикий магический фон!! – И сумасшедшая радость накрыла меня, – Ну, палачи мохнатые, держитесь!!!»

С моих губ сорвались три недлинные слова из несуществующего языка и повисли над моим лицом тремя разновеликими лепестками прозрачного голубого пламени. Пальцы правой руки сложились щепотью, а затем раскрылись, словно лепестки бутона, указывая польщающему заклятью его цель. Голубые лепестки, мгновенно уловив направление, метнулись к дальнему углу пещеры, превращаясь на лету в голубоватые стрелы, и ударили точно в выбранные мной места охранных формул, опоясывавших древнее заклинание!

По залу, заглушая варварское пение троллей, прокатился мелодичный перезвон, а за ним раздался резкий звук лопнувшей басовой струны.

Тролли замолчали, недоуменно перетаптываясь и силясь угадать, откуда раздались эти новые для них звуки. Но эти звуки постепенно стихли, и три оранжевых глыбы снова повернулись ко мне. Однако, занявшись своим палаческим занятием они не успели, в центре зала вдруг возникло багровое свечение, которое быстро наливалось нестерпимым жаром и раскручивалось, словно гигантский огненный волчок!

Тролли, развернувшись в сторону начинающегося катаклизма, замерли на месте, явно не понимая, что происходит и пытаясь сообразить что же им надо делать. Зато я прекрасно понимал, какие силы пришли в движение! Заклинание Истинного зрения давало мне возможность видеть все происходящее!

Мое заклятье снесло охранные формулы, и древнее заклинание тут же осыпалось на пол пещеры фиолетовой трухой. Магический фон дрогнул, словно не понимая что произошло, а в следующее мгновение в середине зала завязался огромный узел дикой магии, который принялся втягивать в себя весь окружающий фон и раскручивать его, словно некую невидимую карусель!

Впрочем, невидимой эта карусель оставалась совсем недолго – энергия высвобождаемая «распоясавшейся» дикой магией, настолько разогрела центральный узел, что заставила светиться не только его, но и окружающий его воздух. Я видел, как в бешено вращающийся сгусток Силы втягиваются все новые и новые порции дикой магии, как узел начинает распираться изнутри, как по его ослепительной, алой поверхности тянутся темные багровые трещины. Я понимал, сколь малое время отпущено этому спущенному мною на свободу дикому Зверю, и потому все свои силы бросил на защиту собственного магического кокона. Чудовищным усилием воли я сжал его до самых ничтожных размеров, одновременно уплотнив его насколько это было возможно...

И в этот момент по пещере полыхнуло магическим взрывом!!! Стены пещеры дрогнули, и по ним побежали быстрые змеистые трещины, на глазах превращавшиеся в разломы, в провалы, в широкие проходы!.. В следующее мгновение сразу в нескольких местах треснул и потолок пещеры, но вместо того, чтобы осыпаться вниз, огромные гранитные куски медленно приподняло, а затем выметнуло наружу, открывая путь серому сумеречному свету! Одновременно с этим среди пещеры образовался самый настоящий смерч, подхвативший в мгновение ока трех разлохмаченных троллей и швырнувший моих мучителей вслед за гранитными обломками потолка, словно гигантские оранжевые воздушные шары!

И в то же самое время бушевавшая вокруг меня дикая магия старательно обходила мою скромную персону, как будто опасалась связываться со мной или видела во мне силу... способную обуздать ее! Правда скобы, удерживавшие меня на плите лопнули в первый же момент поднявшегося урагана, так что я уже не лежал, а сидел на жертвенной плите, но больше ни один квант дикой магии не коснулся меня.

Таким образом, буквально через несколько минут я оказался сидящим в полном одиночестве на дне огромной каменной воронки, напоминающей кратер вулкана. Хотя, если быть абсолютно точным, я был не одинок – рядышком со мной примостилась... моя Пурпурная Дымка, уменьшившаяся почему-то до размеров совсем крошечного и совершенно непрозрачного пони, а рядом с ней я обнаружил и все мое вооружение. И секира, которую тролли называли Ужас Камней, и меч, и кинжал, и метательные ножи лежали рядом с жертвенной или, может быть, пыточной плитой, словно дожидались, когда я снова возьму их в руки.

Несколько секунд я рассматривал свою лошадку, соображая, что же это такое с ней случилось и как мне теперь ее называть. Во всяком случае имя «дымка» уже никак не соответствовало ее облику. И тут до меня дошло, что лошадка приобрела такой необычный вид в результате того, что я... сжал свой магический кокон! Ведь она была частью его, а следовательно так же как и он, подчинялась моим установкам. И действительно, стоило мне снять

напряжение со своего магического кокона, как Пурпурная Дымка снова приобрела свой привычный «дымчатый» вид.

Кряхтя и постанывая – перенесенная пытка еще отдавалась болью во всем теле – я сполз с плиты и встал на ноги около лошади. Затем, секунду передохнув, я подобрал свое вооружение, разместил его на подходящих местах, убедившись при этом, что широкий седельный карман предназначен для Ужаса Камней, и вскарабкался в седло. Пурпурная Дымка, словно бы только этого и ожидала. Почувствовав на своей спине мою тяжесть, она постояла несколько секунд, давая мне поудобнее утвердиться в седле, а затем тронулась вперед своей неспешной, но упорной рысью.

Скоро мы вновь оказались в подземном коридоре. Каким образом Дымка находила дорогу, я не знаю, да особо над этим и не задумывался, в тот момент мою голову занимали совсем другие мысли. Мысли о... троллях.

Да, конечно, один из этих... «окончательных» дураков, приложил меня дубиной. Да, конечно, трое рыжих негодяев устроили мне пытку и пытались принести меня в жертву какой-то там Небесной Матери. Все это было так, но... не было в них жестокости... Сейчас, находясь в безопасности, я вдруг понял, что они руководствовались какой-то не совсем мне понятной... необходимостью. Более того, я вдруг подумал, что если бы мы с ними встретились не в подземелье... не в их подземелье, они, скорее всего, даже не приблизились бы ко мне!

Впрочем, вполне возможно, что я и ошибался в своих чувствах. Но в одном я был совершенно уверен – те тролли, с которыми я успел познакомиться, действительно были ребятами не слишком большого ума, за исключением, пожалуй, Норка. Да и тот больше брал чувством собственного превосходства, нежели умом.

Да... Странная получалась картина! Но больше всего мне хотелось понять, что же это за необходимость толкала троллей на насилие?!

За такими вот размышлениями я и не заметил, как мы оказались на открытом воздухе. Над этим странным, недобрим Миром опустилась ночь, и из темноты подземелья мы плавно перешли в темноту этой ночи. Звезд над моей головой не было, и, приглядевшись попристальнее можно было понять, что небо затянуто плотными, быстро бегущими облаками.

Я решил было остановиться и переночевать рядом с тропой, по которой продвигалась моя лошадка, но она шла такой уверенной рысью, словно чувствовала впереди более приличный ночлег. Так оно и оказалось. Проехав около часа в полной темноте, я вдруг увидел далеко впереди крошечную желтоватую точку. Вблизи эта точка превратилась в окошко небольшой каменной постройки, с высокой односкатной крышей и будкой около узкой входной двери. Из будки вместо лая слышалось странное едва слышное поскуливание, на которое, впрочем, я не обратил внимания.

Моя умная лошадка остановилась около самой двери, и я, чуть наклонившись, осторожно стукнул в нее своим бронированным кулаком. Спустя минуту, за дверью завопили, и недовольный голос спросил:

– Ну, и кто это там скребется?..

– Прошу прощения за беспокойство, – самым вежливым тоном ответил я, – Но не могли бы вы позволить мне переночевать в вашем доме. Я – одинокий путник и не причиню вам неудобств.

– Одинокий путник?.. – заинтересованно переспросили из-за двери, – Что, неужто совсем одинокий?..

– Совершенно!.. – подтвердил я.

За дверью что-то прошуршало, и до моего слуха донеслось быстрое перешептывание. Я в этом шепоте практически ничего не разобрал, но слова «... пусть войдет, повеселимся...»

прозвучали совершенно явственно. И сказаны они были, как мне показалось, женским голосом.

Наконец перешептывание кончилось и все тот же голос спросил:

– А ты, наверное, и есть хочешь?..

Я уже успел спуститься на землю и, стоя у самой двери, с легким смешком ответил:

– Мой голод не настолько велик, чтобы вас беспокоить. Я вполне могу обойтись без ужина.

– Ага!.. – донеслось из-за двери, и мне послышалось в этом возгласе легкое разочарование, – Ну что ж, заходи...

Дверь распахнулась, и в ее освещенном проеме показалась фигура невысокого человека, одетого в длинную, темную рубаху и широкие, похожие на шаровары, штаны.

Я протянул вперед руку, собираясь придержать дверь, и в этот самый момент хозяин попытался ее... захлопнуть!

– Э, э!.. В чем дело хозяин! – воскликнул я, делая шаг вперед, – Или твое гостеприимство уже иссякло?!

Хозяин, словно опомнившись, сделал шаг назад и тут я увидел, что это маленький седой старичок и что он... очень испуган. Прижав руки к груди он быстро поклонился и сбивчиво забормотал:

– Пусть господин сияющий дан простит меня... Мы с женой никак не ждали, что столь высокий господин посетит наше скромное жилище... Можете мне поверить господин сияющий дан, мы ничего плохого не сделали людям, мы живем далеко и никого не... знаем... Нас не за что карать, господин сияющий дан, поверьте, нас не за что карать...

– Да не собираюсь я вас карать! – воскликнул я удивленно, входя в дом, – Я хочу всего лишь, переночевать под крышей, если, конечно вы не против?..

– Как мы можем противиться желаниям сияющего дана!.. – испуганно просипел хозяин, – Господин сияющий дан – хозяин этого дома, как и всех остальных домов...

– Не мельтеши, дорогой, – раздался мелодичный женский голос из-за занавески, перегородившей единственную комнату домика. В то же мгновение занавеска откинулась, и передо мной появилась молодая, красивая женщина одетая в глухое, длинное платье неопределенного темного цвета. Увидев меня она, в отличие от своего супруга, не испугалась и даже не смутилась. Мило улыбнувшись и быстро поклонившись, она проговорила своим мелодичным голосом:

– Господин сияющий дан, может располагать нашим жильем, а мы поднимемся на чердак и с разрешения господина переночуем там...

Я быстро огляделся. Домик, как я уже заметил, был совсем невелик. В передней части единственной комнаты, у стены, справа от входной двери, стоял грубо сколоченный стол и два столь же грубых табурета. У противоположной стены был сложен небольшой очаг с грубой треногой, на которой висел небольшой котелок. За откинутой занавеской виднелся краешек довольно большой кровати, застланной чем-то... лоскутным. В общем, комната не поражала взор обилием и богатством обстановки. Снова взглянув в миловидное лицо хозяйки, я как можно добродушнее произнес:

– Нет, я не хочу стеснять вас в вашем же жилище, а потому, на чердак отправлюсь сам и постараюсь не шуметь.

Женщина хотела что-то мне возразить, но я поднял руку и уже тверже добавил:

– И попрошу не спорить со мной – я уже и так доставил вам беспокойство. Лучше покажите мне, где у вас лестница наверх.

Женщина молча поклонилась и повела рукой в сторону закрытой занавеской стены.

Я двинулся в указанном направлении и, шагнув за занавеску, увидел узенькую лесенку, поднимающуюся почти вертикально, вдоль стены и упирающуюся в потолочный люк. Огля-

нувшись еще раз, я увидел, что хозяин дома продолжает стоять на том же самом месте у входной двери и со страхом наблюдает за моими передвижениями по дому.

«И чего он так испугался?! – с некоторым раздражением подумал я. – Как будто никогда... сияющих данов не видел!.. Или видел?!»

Впрочем, я действительно хотел спать. К тому же сказывалось напряжение последних часов и... тролля пытка. Так что мне было не до испугов сельских жителей, я мысленно махнул на все рукой и направился к указанной лесенке.

Подняться наверх было делом одной минуты. Закрыв за собой люк, я огляделся и немедленно обнаружил огромный тюфяк, брошенный у фасадной стены, под крошечным окошком чердака. Поверх тюфяка лежало не слишком толстое одеяло. Я выбрался из своих доспехов и, секунду подумав, вставил свой меч враспор между крышкой люка и обрешеткой крыши. Вот теперь меня никто не мог побеспокоить, так что я ни о чем более не волнуясь рухнул на тюфяк, накинул на себя одеяльце и немедленно заснул.

Проспал я недолго, меня разбудило какой-то резкий вскрик. Я мгновенно сел на своем тюфяке и прислушался. Вокруг все было тихо, за окном темно, а подо мной, в комнате, шел разговор.

– Не ори!.. – прошипел совсем немелодичный женский голосок, – Что ты вопишь, словно десяток черных извергов увидел!.. Разбудишь сияющего дана, он тебе пасть-то заткнет!..

– Нет никакого сияющего дана!.. – раздался в ответ свистящий шепот хозяина домика, – Это его призрак, и он пришел за мной!..

– Нужен ты ему! – насмешливо ответила ему женщина, – Прямо подохнуть он не мог без того, чтобы тебя не повидать!..

– Я же тебе говорю, дура, он пришел, чтобы меня уничтожить!.. – заскулил старик, – И зачем только я встретил его на желтой тропе?! Наверняка он узнал, что это я сообщил троллям Норка, что сияющий дан Тон идет со своими черными извергами по их шкуры!.. Потому-то Норк и успел вызвать Небесную мать!.. И вот теперь пришла расплата за мое...

Тут он как-то уж очень мокро всхлипнул и заговорил буквально глотая слезы:

– Не даром вчера днем в горах грохотало и полыхало!.. Призрак сияющего дана наверняка посчитался с троллями, а теперь вот и до меня добрался!.. Теперь он на-а-а-верня-а-а-ка...

На последних словах его шепот перешел в неразборчивый визг.

– Не ори! – снова осадил его женщина, – Если не можешь не скулить, то скули... молча!

Послышалось слабое шуршание, а затем она с явной насмешкой продолжила:

– Только должна тебя огорчить, это никакой не призрак, это самый настоящий живой дан!

– Дура! – еле слышно выдохнул старик, – Как он может быть живым, если Небесная Мать дохла на него смертью!.. Ты хоть раз слышала, чтобы кто-то из людишек выживал после выдоха Небесной Матери?!

– А может быть доспехи защитили сияющего дана?.. – задумчиво ответила женщина, – Говорят они у него зачарованные...

Снова последовала короткая пауза, после которой женщина добавила с насмешкой:

– Но сияющий дан Тон жив и здоров!.. Я это отлично поняла по тому взгляду, которым он меня... разглядывал!..

– Какой взгляд, дура?! Какой взгляд?.. – Буквально взвизгнул старик, хотя продолжал говорить шепотом, – у него же на голове шлем, а лицо закрыто глухой маской! По взгляду она поняла!..

– Не ори! – Еще раз шикнула на него женщина, – а мужской взгляд, особенно такой, как у сияющего дана Тона, я могу и через каменную стену почувствовать... И понять!..

Они немного помолчали, а затем старик снова заскулил:

– Что же делать?.. Что же делать?..

– Да ничего не делать... – спокойно прошептала женщина, – Или, если хочешь, можешь попробовать его убить, пока он спит... Дать тебе охотничью дубинку?..

В ее голоске снова сквозила насмешка, а я обиженно подумал: «Ну вот, опять дубинка!.. Что у них в этом Мире другого оружия что ли нет?!»

– Какая дубинка, дура... – Пискнул старик, – ты же видела – он в панцире, какой дубинкой можно панцирь пробить?!

– Что ж он, по-твоему, и спит в своем панцире?.. – хихикнула женщина, – Совсем ты, Скоге, рехнулся от страха!

«Скоге?.. – повторил я про себя, – Что-то я такое слышал!.. Скоге?!»

И моя услужливая память сразу же подсказала мне, что я когда-то читал о таком проказливом народе... Так, мелкие хулиганствующие фейри, но этот видимо, дохулиганился до... мокрых штанишек!

– А если тебе уж совсем... не вмоготу, – продолжала между тем нашептывать женщина, – То можешь... отправиться... ну хоть в горы. Утром я скажу сияющему дану, что тебя позвали неотложные дела, что тебя вызвал к себе твой сеньор... ну и... все такое.

– Какой сеньор, дура?! – Пискнул старик, – Какой у скоге может быть сеньор?!

– Так ты что ж, не понял? – Удивилась женщина, – сиятельный дан принимает нас за... людей! Иначе он давно бы уже прикончил нас обоих голыми руками и оружие доставать бы не стал! Просто кулаком пристукнул бы!.. Но мы успели одеться, вот и сошли за людей.

И снова повисло молчание, но на этот раз его прервал старик:

– Значит ты думаешь, сияющий дан нас не узнал?..

Сколько надежды было в этом вопросе!

– Конечно нет! – Самым категоричным тоном ответила его супружница, – ты теперь и сам это понимаешь!..

– Тогда я, пожалуй, действительно куда-нибудь... пойду... – пробормотал старичок, и снова послышалось быстрое шуршание.

– Только ты тогда не обессудь, если мы с сияющим данным... ну... это... займемся поутру кое чем... – промурлыкала женщина.

Старик ничего не ответил на столь прозрачный намек, только напряженно запыхтел, а женщина снова коротко хихикнула.

Послышался слабый скрип открывающейся двери, шуршание камешков под торопливыми шагами, и снова наступила тишина.

Несколько минут я продолжал вслушиваться в эту тишину, а затем шумно перевернулся на другой бок и... снова заснул.

Второй раз я проснулся на рассвете. В окошко вливался серый, мутный свет, по которому я определил, что и это утро будет пасмурным. Да, местная погода, похоже, не слишком часто баловала аборигенов.

Потянувшись, я прислушался – вокруг царила тишина. Тогда, быстро вскочив со своего тюфяка, я взял в руки меч и кинжал, вышел на середину чердака и по уже укоренившейся привычке принялся... фехтовать с тенью! Два часа таких занятий в день давно уже стали моей необходимостью. Однако, на этот раз я прозанимался не более получаса – надо было трогаться в путь.

Убрав оружие на место я снова прислушался, в доме по-прежнему было тихо, и это меня удивило – мои упражнения должны были разбудить хозяев...

«Хозяйку!..» – поправил я сам себя, вспомнив подслушанное ночью, и тут вдруг услышал за окошком странный ритмичный шорох. Подкравшись «кошачьим» шагом к окну, я заглянул в него. Рядом с домом, прямо на наклонной, присыпанной мелкими камешками площадке танцевала хозяйка домика! И как танцевала!!

Обнаженное, стройное женское тело, казалось, парило над землей, не касаясь ее ногами, и только тихий шорох, раздававшийся в такт ее движениям, показывал, что это не призрак, а живая трепетная плоть. Прекрасное лицо обрамленное гривой густых белокурых волос было обращено как раз к моему окошку, но поскольку глаза на этом лице были закрыты, я решил, что танцовщица меня не заметит. И она действительно меня не замечала.

Несколько минут я наблюдал за ее танцем, наслаждаясь плавной изысканностью движений, легкостью и грацией танцовщицы, непередаваемой красотой стройных ног, тонких, быстрых рук, плавной округлостью высокой груди, длинной, точеной шеей... А молодая женщина все не останавливала своего поразительного танца, не открывала глаз и... все время оставалась лицом к моему окну! Наконец, когда моя порядочность взяла верх над моим... любопытством и я совсем уже собрался прекратить свое подглядывание, танцовщица сделала изысканный пируэт и я увидел ее спину...

Но спины-то, как раз и не было!!!

Там, где у нормальной женщины находятся лопатки, ребра, поясница, у моей танцовщицы была огромная впадина, словно верхняя части туловища этой... этого существа была выпрессована на штампе из листового материала!!! А, кроме того, ее... к-гм... попку украшал длинный хвост, весьма напоминающий коровий!

Я застыл у своего окошка, открыв от удивления рот, а танцовщица, закончив пируэт и снова оказавшись лицом ко мне, вдруг открыла свои изумительные глаза, широко улыбнулась и... подмигнула мне!

Отпрянув вглубь комнатки, я осторожно перевел дух и медленно опустился на тюфяк. В моей голове чирикала по воробьиному единственная мыслишка: «Показалось!..»

Хотя, в общем-то, я знал, что ничего мне не показалось...

В этот момент чуть слышно скрипнула входная дверь и внизу прошуршали легкие шаги. Звякнула какая-то утварь, полилась тонкая струйка воды...

Я осторожно поднялся на ноги, с силой потер ладонями лицо, с неудовольствием ощущая отросшую щетину, потом аккуратно влез в доспехи и замкнул их. Теперь мне была нестрашна самая распрекрасная... скоге!

Топая по доскам чердачного пола, я проследовал к люку, откинул его и ступил на лестницу.

Занавеска, перегораживающая комнату, была отодвинута к самой стене, хозяйка домика хлопотала у горящего очага, над которым в небольшом котле булькало какое-то варево. Она была одета во вчерашнее темное платье, скрывавшее под собой всю ее фигуру.

Услышав мои шаги на лестнице женщина быстро выпрямилась и обернулась ко мне. На ее лице играла добродушная улыбка.

– Доброе утро – счастливый день, господин сияющий дан!.. – Проворковала она своим мелодичным голоском, в котором чувствовалось некое интимное придыхание, – как вам отдыхалось на нашем чердаке?.. Надеюсь, ничто не мешало вам спать?..

Я пристально посмотрел на нее, и надеюсь на забрале моего шлема не отразилась та растерянность, которую я, надо признаться, испытывал. И чтобы эту растерянность еще более скрыть, я заговорил развязным тоном отъявленного фата:

– Спасибо, прекрасная хозяйка, отдых мой был спокоен, но... одинок!.. И никто не пришел... к-хм... разделить его... – Я разочарованно развел руками и добавил, – хотя я надеялся...

Мой ответ явно пришелся ей по вкусу, а я, чтобы перехватить инициативу, сам задал вопрос:

– А где же ваш... э-э-э... древний муж?.. Почему он не охраняет покой своей красавицы-жены?!

Женщина горько вздохнула, от чего ее высокая грудь призывно колыхнулась.

– А муж мой рано-рано ушел в горы... Наш сеньор, мощный дан Когг, дал ему какое-то задание... кажется, проследить за шайкой местных троллей...

– Так вас беспокоят тролли?! – воскликнул я, – Моя секира к вашим услугам! Если ваш супруг выследит этих... э-э-э... мерзавцев, я разделаюсь с ними!

– Ой, что вы, господин сияющий дан, не делайте этого, а то наш сеньор надерет уши моему муженьку! – живо возразила она, – Он, знаете ли, сам большой любитель охоты на троллей!

Я несколько разочарованно пожал плечами и перевел разговор на другое:

– Значит, ваш сеньор очень строг?.. Я смотрю, ты его побаиваешься, да и муж твой так поспешно... э-э-э... сбежал!..

– О, господин сияющий дан, к сожалению, он сбежал недостаточно поспешно! Если бы он как следует поторопился, в этом доме нашелся бы кое-кто, кто счел бы за счастье... разделить ваш отдых!..

И она стыдливо потупила глазки.

«Н-да... – шевельнулась в моей голове развратная мыслишка, – Если бы не ее спина!.. Хотя, что ж... спина... На спину можно и не смотреть!..»

Но вопреки этой мыслишке мое воображение быстренько изобразило перед моим мысленным взором эту самую спину... Вернее ее отсутствие... И... хвост! Тут меня брезгливо передернуло.

– Да, жаль, что он не поторопился!.. – сказал я вслух, – Теперь мне придется всего лишь вспоминать эту упущенную возможность!

– А вы, господин сияющий дан, разве тоже торопитесь?.. – В ее вопросе сквозило разочарование, словно она уже знала мой ответ.

– Да, дела, дела... Вот, кстати, мне и к мощному дану Коггу заехать надо!.. По делам!.. И тут ее миловидное личико сделалось весьма удивленным и даже испуганным.

– Сияющий дан, вы поедете к мощному дану Коггу в... замок?!

– А что, разве нельзя?.. – самым беззаботным тоном поинтересовался я.

– Но вы же с даном Коггом враги! – Она прижала пальцы левой руки к губам, словно ничего больше не хотела говорить, и сквозь них прошептала, – Он же вас непременно убьет, и ваши доспехи вас не спасут!

– Однако, – удивился я, – Насколько хорошо ты осведомлена в моих... делах! А может быть я совсем не тот, за кого ты меня принимаешь?!

Ее рука медленно опустилась, открывая удивленно приоткрытые губы.

– Так что, вы и в самом деле... призрак?!!

– Нет, – усмехнулся я, – Я вполне живой, нормальный человек.

– Ну, тогда узнать вас несложно! – улыбнулась она, – Во всем Высоком данстве известны ваши доспехи, так что сияющего дана Тона знают все! Любой житель Высокого данства скажет, что сияющий дан Тон самый доблестный из трех сияющих данов данства, и сам высший дан Горгот опирается на вашу руку! Кроме того сияющий дан Тон самый известный борец с нечистью и на счету его секиры, прозванной Ужас Камней только троллей двадцать два, не считая все прочей... нечистой мелюзги!!

Возможно она еще многое поведала бы мне о том месте в этом Мире, в этом... «данстве», которое занимал мой предшественник, о его подвигах, доблести и деяниях, но тут я сделал ошибку.

– А сколько на счету моей секиры скоге?.. – насмешливо поинтересовался я.

В одно мгновение красавица оказалась в дальнем углу комнаты, за кроватью, словно ее вымело туда просвистевшим по комнате вихрем. Вжавшись в стену, она с ужасом и ненавистью смотрела на меня из-под упавших ей на глаза волос, а когда я сделал шаг в ее сторону, она вдруг заговорила. И ее голос, враз потерявший всю свою мелодичность, звучал хрипло и невнятно:

– Да!.. Я – скоге!.. Ну что ж, убей меня!.. Убей доблестный сияющий дан Тон, как ты уже убил сотни моих сородичей!! Я не рассчитываю на твою жалость, на твою доброту, на твое милосердие, потому что все мы знаем – ты всего этого лишен!!! Убей меня, и пусть мои проклятья присоединятся к проклятьям тех, которые уже пали под твоей секирой и твоим мечом, тех, которые приняли в свои тела этот жуткий кинжал, поедающий нашу плоть!!! Убей меня, изверг и предводитель извергов!!! Все равно Небесная Мать когда-нибудь доберется до тебя, и ты умрешь в муках, в собственном кале и блевотине!!!

«Однако, ее теперешняя речь здорово отличается от предыдущей! – С некоторым разочарованием подумал я. – Так кто же я есть в этом Мире – самый доблестный сияющий дан из трех сияющих данов данства или изверг и предводитель извергов?!»

Я сделал еще один шаг в ее сторону и как можно спокойнее произнес:

– Но я совсем не собираюсь тебя убивать... Так же, кстати, как и твоего старика-мужа... Не настолько я кровожаден, чтобы пачкать свое оружие вашей кровью!

Ее лицо исказила кривая усмешка.

– Ты хочешь, чтобы я поверила, что сияющий дан Тон упустит случай уничтожить еще одну нечистую?! Что сияющий дан Тон, поклявшийся не покидать собственного панциря, пока Мир не будет полностью очищен от проклятого народца, ни с того ни с сего пощадит какую-то скоге?! Ха-ха-ха, я, по-твоему, похожа на умалишенную?! Я знаю, что меня ожидает, но не надейся, что я буду ползать у твоих ног, вымаливая пощаду!

По-моему, она говорила все это не столько для меня, сколько для самой себя. Она просто уговаривала себя достойно встретить собственную неминуемую гибель!

«И что?! – спросил я сам себя, – Мне теперь уговаривать впающую в истерику бабу?!»

Ничего не отвечая на хриплое бормотание хозяйки домика, я развернулся, протопал к двери и распахнул ее.

А на улице была благодать! Солнце, правда, так и не показалось, но облака, закрывавшие небо, были высоки, и окружающий пейзаж радовал глаз. Домик скоге стоял на небольшом каменистом бугре, около той самой желтой тропы, по которой я путешествовал весь предыдущий день. Слева высились скалы гористого кряжа, который я миновал, а справа тропа сбегала вниз, в зеленеющую долину, прикрытую легкой дымкой утреннего тумана. Похоже, там, внизу, в долине утро еще не наступило. Пурпурная Дымка лежала прямо на камнях, метрах в четырех от двери, причем в этой позе она еще больше была похожа не некую гигантскую фантастическую кошку, отрастившую себе лошадиное... лицо. Едва мои сапоги заскрипели на устилающей землю гальке, она приподняла голову, а затем легко и бесшумно вскочила на ноги.

Через секунду я был в седле, и в это мгновение услышал легкий скрип приоткрывшейся двери. Повернувшись, я увидел, что через приоткрытую дверь за мной настороженно наблюдает хозяйка. Волосы свои она привела в порядок, но выражение страха с ее лица не исчезло, хотя и любопытство в ее взгляде присутствовало. Увидев, что я не только сижу в седле, но и действительно собираюсь покинуть их гостеприимный дом, она приоткрыла дверь пошире и тихо проговорила:

– Сияющий дан на самом деле не собирается меня убивать?..

– Передавай привет своему мужу, – не отвечая на ее вопрос, крикнул я, – Пусть он в другой раз поменьше трусит, и не в коем случае не оставляет такую красавицу одну!..

И я тронул свою замечательную лошадку.

Глава 3

*«...Интересно, кто дает нам... попутчиков?!
Высшие силы, судьба, рок?..
А может быть мы выбираем их сами?
Но в таком случае, можно ли нам пенять на их недостатки?!»
(Могучий дан Тэнь Избранный «Опыты»)*

Тропка, на которую мы снова вступили, спускалась вниз, так что моей лошади не составляло особого труда труситься по ней своей ходкой рысью. А мне ее рысь не мешала обдумывать услышанное в домике скоге.

Получалось, что сияющий дан Тон, место которого в этом Мире я унаследовал вместе с доспехами, был личностью весьма заметной, знаменитой и... страшной. Во всяком случае, я сильно сомневался, что смогу поддерживать былую славу сияющего дана Тона на должном уровне! Особенно в части немотивированных убийств живых существ, обладающих разумом!

И в тоже время мне надо было, что называется, «быть в образе», иначе у местных жителей могли возникнуть в отношении меня сильные подозрения. Ну, конечно, сияющий дан Тон после страшной сечи на Столе Скорби, в которой погиб весь его отряд, все его черные изверги, мог измениться... Но не до такой же степени, чтобы перестать ненавидеть «проклятый народец»! А я как-то не мог заставить себя ненавидеть даже тех троллей, что мучили меня на жертвенном камне! Ну не мог и все!!! Не были они, по-моему, злодеями!!!

Пожалуй, именно в этот момент я до конца осознал всю безвыходность положения, в которое сам себя загнал.

«А кто тебя заставлял лезть в эти... к-хм... доспехи, пижон дешевый?! – с глубоким неудовольствием спросил я сам себя, – надо было смародерствовать черный кожаный костюмчик, и никто бы на тебя внимания не обратил! А теперь придется тебе изображать из себя благородного негодяя и доблестного... убийцу!!! Да к тому же еще предстоит разобрататься, кто из благородных данов мне друг, а кто готов прирезать меня при первом же удобном случае. Одного из этих... резателей мне уже назвали... Как бишь она сказала?.. Да, мощный дан Когг... И замок его где-то поблизости!..»

И тут мои мысли вдруг приняли совершенно другое направление.

«А вот интересно, кто из благородных данов выше по положению, сияющий или... этот... мощный?! Стоп! Эта скоге сказала, что сияющих данов всего трое во всем данстве! Значит, получается, что я вошел в тройку... призеров! Вот жалко, что я не успел выведать сколько в этом данстве могучих данов... Может их вообще... один?!»

Пока я таки образом раздумывал о своих проблемах, окружающая природа постепенно менялась. На смену каменистым осыпям пришла короткая жесткая травка, своим цветом и размером весьма напоминавшая ежину щетину. Место каменных обломков заступили невысокие корявые кустики, покрытые узкими сероватыми листьями и меленькими ядовитыми цветочками. Я даже не могу сказать, почему решил, что они ядовиты, но это мое впечатление было весьма стойким! Правда, горы еще высились по обе стороны расширяющейся долины, но они стали значительно ниже, а впереди их вообще не было.

Желтая тропа, под лапами моей лошадки кончилась, вместо нее передо мной лежала довольно широкая дорога, серая, как и весь окружающий пейзаж и пыльная. Лошадка моя шла краем дороги, словно не желала оставлять следов на ее пыльной поверхности – умная животное! Хотя, надо сказать, следов на серой дорожной полосе не было совершенно! То ли вчерашний ветер совершенно выгладил дорожную пыль, то ли это... была вовсе и не дорога.

Пока я раздумывал о природе и предназначении этой, так похожей на проезжий тракт, серой полосы, она круто ушла вправо за здорово подросшие и слегка зазеленевшие кусты. Дымка также свернула вправо, и когда мы миновали густые заросли, росшие у поворота, я увидел... человеческое жильё!

Впрочем, то, что открылось моим глазам в очень малой степени было похоже на привычное мне человеческое жильё. Дорога плавной серой петлей притерлась к самому подножью скального массива, завершающего горный отрог, и в этой почти вертикальной гранитной стене высотой около пятнадцати метров, чернели узкие щели многочисленных пещер. Самые низкие из них, располагались на высоте трех-четырёх метров, из их темных зевов свешивались некие подобию плетеных лестниц. А из нескольких верхних пещер, открывавшихся почти у самого обреза скального массива выглядывали любопытные детские мордашки. Внизу, у самого подножия каменной стены толпилось десятка три аборигенов, занятых каким-то не совсем понятным мне делом.

Моя лошадка неслышно приблизилась к толпе, состоявшей, как я успел разглядеть, в основном из особей мужеского пола, весьма низкорослых, одетых в замызганные штаны и рубахи, босых с непокрытыми косматыми головами. Замечены мною были и три-четыре женщины, пытавшиеся протолкаться к середине волнующегося сборища, но бесцеремонно выталкиваемые мужичками наружу. Как ни странно, никаких криков, свойственных обычно толпе, слышно не было, и только из середины доносилось на четыре голоса: – Эх-х, ух-х, их-х, ях-х...

Оказавшись совсем рядом, я понял, что толпа, вернее мужики сгрудившиеся в ее середине, кого-то избивают. Естественно, во мне разыграло рыцарское начало, и я устремил своего иноходца прямо в середину этой кучи.

Только когда моя лошадь грудью раздвинула мужиков, толкавшихся с краю, меня наконец заметили. Толпа немедленно, но все также молча, рассыпалась на три кучки, опасливо отодвинувшиеся поближе к свисавшим лестницам, а женщины быстренько забрались по ним в нижние пещеры. Передо мной на голой, утопанной площадке осталось то... что местные жители избивали. Маленький мужичонка, на котором не было ничего, кроме истрепанных до предела шортов. Он лежал ничком, уткнувшись лицом в глинистый прах, его тонкие руки пытались прикрыть абсолютно лысую голову, а не менее тонкие ноги дергались, не то в попытках отбиться от нападающих, не то в предсмертных конвульсиях.

Несколько минут я не сводил глаз с этого убогого создания и вдруг обратил внимание, что мужики начали едва слышно переговариваться. Продолжая разглядывать избитого мужика, я прислушался.

– ... А говорили, что он не вернулся из Трольных гор... Что его настигла Небесная Кара!..

– Говорили!.. Верь больше!.. Вот он собственной своей персоной, жив, здоров...

– А где ж его изверги?.. Нешто он один по лену нашего дана гуляет?..

– Как же, поедет сияющий дан Тон в одиночку да еще по лену могучего дана Когга!..

Наверняка где-нибудь рядом и его гвардия трется!..

– Может быть это вовсе и не сияющий дан Тон!..

– Да, ты думаешь в таких доспехах может разъезжать кто-то другой?

– Призрак!..

И как только это словно прошелестело над толпой, она замерла и притихла в ужасе.

В этот момент избитый перестал сучить ногами и замер. Я склонился в его сторону, чтобы получше рассмотреть, что же с ним произошло, и вдруг он приподнял голову и повернул ко мне разбитое в кровь лицо. Несколько секунд мы глядели друг другу в глаза, а затем он подмигнул мне и... улыбнулся!..

Улыбочка у этого... г-м... человечка была, должен вам сказать, еще та!! Рот у него был огромен, а губы неимоверно толсты. Зубов же в этом рту оставалось всего с пяток, так

что темному в каких-то язвенных пятнах языку негде было спрятаться, и он норовил вывалиться наружу. Глазки, и без того невеликие, совсем скрылись в распухших от побоев веках, а разбитый нос вдруг громко с оттяжкой хлопнул! Но это безусловно была улыбка человека, неожиданно увидевшего... старого знакомого.

Я выпрямился в седле и оглядел местных жителей. Они испуганно попятились, уплотняя и без того тесно сбитую толпу. Тогда я негромким, тяжелым, «не своим» голосом спросил:

– Кто у вас старший?

Вперед вытолкнули высокого мосластого мужика, в одежке явно поновее и попрочнее той, что была надета на остальных жителях.

– Подойди ближе!.. – все тем же «не своим» голосом приказал я.

Мужик приблизился, осторожно обойдя избитого, и, низко поклонившись, замер метрах в трех от меня.

– Чем это вы тут занимались?..

И тут «старший» вдруг задрожал всем телом и упал передо мной ниц.

– Господин, пощади наши жизни!.. Мы не сделали ничего недозволенного!!

Не поднимаясь с земли, он вывернул лицо в сторону своих односельчан и завопил:

– Просите господина сияющего дана!.. Просите его пощадить нас, а если наказывать, то не смертью!!

Вся толпа, как подкошенная легла на землю и вразнобой завопила:

– Смилуйся, господин!..

– Пощади, не карай смертью!..

– Мы не повинны нечистоте!..

Пурпурная Дымка, слегка попятилась, но на меня эта демонстрация почему-то не произвела никакого впечатления. С полным безразличием к умоляющим воплям я медленно произнес:

– Я пока что не собираюсь вас карать, Меня только интересует, за что вы били этого человека?!!

Мужик поднял лицо ко мне, затем бросил быстрый взгляд в сторону избитого, и быстро пробормотал:

– Господин сияющий дан, это вор... Он воровал...

«Вот, значит, как!..» – подумал я, но задать следующий вопрос не успел. Избитый, не меняя позы, вдруг нараспев заговорил:

– Хотел стащить кусочек хлеба,
Но был неловок, как хаши.
Так я остался без обеда,
А вон те мерзавцы без... души!..

При этом он пришепetyвал, посвистывал, похрюкивал, немного заикался, в общем, в его арсенале имелись все известные мне дефекты речи. Однако, лежащий передо мной мужик прекрасно понял все сказанное. Не поворачиваясь он с ожесточением произнес:

– Вот, господин сияющий дан, он еще и ругается... зараза!..

Я внимательно посмотрел на заговорившего стихами оборванца, а затем, переведя взгляд на лежащую толпу, жестко скомандовал:

– Всем подняться с земли!

Вопли над толпой стихли, и мужики, после некоторой недоверчивой паузы начали подниматься на ноги. «Зараза» тоже неловко поднялся с истоптанной земли и попытался выпря-

миться. Это у него не слишком хорошо получилось, но улыбка продолжала украшать его физиономию. Повернувшись к избивавшим его мужикам он снова принялся декламировать:

– Когда презренный полукхмет
От дана прячет свой обед,
Бедняга должен понимать,
Что дан и сам все может взять!
И дана, знайте наперед,
Ворьем никто не назовет!
Вы знали мой высокий сан,
Вы знали – перед вами дан!
И тем не менее в борьбе
Вы два ребра сломали мне!
Но вот примчался друг мой, дан,
Я вам теперь за все воздам —
Всех тех, кто мною был побит,
Он на башку укоротит!!!

Указав на меня корявым пальцем и сделав эффектную паузу, он повернулся в мою сторону и с самым серьезным видом прошамкал:

– Я все верно сказал?

Я на всех указал?..

... И снова хлюпнул носом.

– Не знаю, на кого ты указал, но укорачивать на башку мне, скорее всего, никого не придется, – насмешливо проговорил я, – ты, мой друг, здорово погрешил против истины, заявляя, что кого-то побил...

– Зато я не погрешил против Размера и Рифмы! А тебе, сияющий дан, должно быть известно, что Размер и Рифма превыше всего, даже истины!!! Но, вообще-то, я просто не хотел опережать события...

– Не понял?.. – удивился я.

– Чего ж тут непонятного? – Снова ослабилась побитый, – уже завтра моя гениальная эпическая поэма будет заканчиваться словами «Всех тех, кто так меня избил, он на башку укоротил», но в настоящий момент, как ты сам понимаешь, это звучит несколько преждевременно...

«Занятный тип!.. – Подумал я, – интересно, откуда он взялся?..»

И повернувшись к стоявшему рядом со мной мужику я спросил:

– Значит, ты говоришь, это вор?.. И давно он промышляет воровством?

Мужик поскреб голову заскорузлой пятерней и пожал плечами:

– Ну... Вообще-то, господин сияющий дан, на воровстве мы его первый раз поймали. А знаем мы его давно. Это ж бывший шут господина мощного дана Когга, нашего... э-э-э... господина... Что-то он там, в замке не то сочинил, да вслух прочитал, вот его господин дня три назад и выгнал... Правда, перед этим он его стукнул... по голове, видимо...

Бывший шут немедленно перебил мужика, причем голос его зазвучал неожиданно чисто, с неким эпическим надрывом и скальдическими интонациями:

– Если дану дан по дыне
Двинул дивно длинной дланью, —

Тут он неожиданно сбился и, через мгновение, закончил свое выступление своим обычным шепелявым заиканием:

– То не дело полукхмету
Обсуждать проблему эту!

Мы с мужиком посмотрели на это поэтическое дарование, а затем я поинтересовался: – А почему он вас называет какими-то полукхметами?.. – При этом мой голос здорово изменился, из вдруг него начисто исчезли властно-пренебрежительные ноты присущие «сияющему дану».

Мужик взглянул на меня каким-то странным, растерянным, словно бы непонимающим взглядом, но ответил быстро и без запинки:

– Так мы, господин сияющий дан, и есть полукхметы... Мы ж земельку-то у нашего господина, могучего дана Когга арендуем... Правда, маловато земельки он нам дает, даже... это... дома поставить негде...

– Значит это вот и есть ваша... родная деревня?.. – Чуть удивленно проговорил я, поскольку впервые встречал «пещерных» жителей.

– Нет, господин сияющий дан, – с неожиданной горечью заговорил мужик, – нашу деревню пять лет назад сожгли... Вот тогда нам и пришлось... в пещеры податься. Но в этих пещерах тролли никогда не жили!.. – Испуганной скороговоркой добавил он.

– А кто же сжег вашу деревню?! – Вырвался у меня невольный вопрос.

Мужик как-то странно помялся и словно бы нехотя ответил:

– Милостивец наш, хозяин предгорного лена, мощный дан Когг сжег. Его придворный маг, вар Марлок, вычислил, что наша деревня стоит на проклятом нечистой месте... Вот ее и сожгли.

– А земли для новой деревни мощный дан Когг вам, значит, не выделил... – ошарашено проговорил я.

Мужик решил, что я задал вопрос, поскреб в своей нечесаной башке и, пожав плечами, произнес:

– Мощный дан Когг сказал, что свободной земли у него для нас нет. Вот, когда благородные даны уничтожат всю... э-э-э... нечисть, очистят землю, вот тогда мы тоже станем земляными кхметами, а может даже и вольными!..

Правда при этом в его голосе начисто отсутствовала уверенность в том, что это счастливое будущее наступит скоро, хотя он явно желал услышать мой ответ на свою реплику.

Я не стал ни разочаровывать мужика, ни разжигать в нем надежду на скорое исполнение мечтаний, а потому сменил тему разговора:

– И как же зовут... шута дана Когга?

– Мощного дана Когга?! – Уточнил полукхмет очень испуганным тоном. Было непонятно чего он испугался – того ли того, что я опустил в имени дана Когга эпитет «мощный» то ли того, что ему приходится поправлять самого сияющего дана. Я, улыбнувшись про себя, повторил:

– Мощного дана Когга...

Но полукхмет не успел мне ответить, в разговор снова вмешался бывший шут со своими стихами:

– Что в имени тебе моем?..
Зачем ты ворошишь бывшее?..
Ведь имя розы дав алоэ,
Мы горечи не изведем!

И не почуем аромата,
Присущего цветку цветков!
У всех имен удел таков,
И в каждом имени утрата!

А потому решился я
Утратить собственное имя,
И, если хочешь знать, отныне
Названья нету у меня!

Безыменье мое, как крик,
И кто позвать меня захочет,
Сперва пусть дико захохочет,
Ну а потом воскликнет: – Фрик!!!

Шуту удалось наконец-то выпрямиться во весь свой крошечный рост и гордо подбочениться. При этом его голая голова неожиданно залоснилась неким матовым отсветом, словно ее натерли воском и отполировали.

– Так, значит, тебя зовут Фрик... – задумчиво проговорил я.

– Нет, не Фрик!!! – мгновенно окрысился шут-рифмоплет. – Это не мое имя!!! Просто, если кому-то надо меня окликнуть, он должен сделать так!..

Тут он распахнул до предела свою беззубую пасть и издал вопль, отдаленно похожий на:

– Ха-ха-ха-ха-ха-га-га-га-га-гы-гы-гы... Фрик!!!

Стоявший рядом со мной полукхмет присел в ужасе, моя умница лошадка попятилась, справедливо полагая, что перед ее мордой вопит умалишенный, а я поднял правую руку, собираясь в изумлении почесать собственную голову и забыв при этом, что на нее надет глухой шлем.

Наткнувшись стальной перчаткой на стальной шлем, я несколько пришел в себя и с облегчением пробормотал:

– Хорошо, что мне не придется тебя... э-э-э... звать!

– Кто знает!.. – Немедленно отозвался шут своим обычным заиканием.

Но я не стал вдаваться в споры с явно ненормальным субъектом, вместо этого я повернулся к полукхмету и спросил:

– Объясни-ка мне, дружок, как быстрее проехать к замку твоего господина?..

– Вы, господин сияющий дан, собираетесь посетить господина могучего дана Когга?.. – переспросил меня мужик почтительно, но и с большой долей удивления.

– Да, – с некоторым нетерпением ответил я, – я собираюсь нанести ему... э-э-э... дружественный визит!

– И вы, господин сияющий дан, поедете в замок Когг один?.. Без своих... гвардейцев?..

– А разве мне что-то угрожает во владениях благородного дана? – Ответил я вопросом на вопрос.

Полукхмет снова почесал свою кудлатую башку, видимо он занимался этим при каждом сложном для него вопросе. Затем, повернувшись ко мне боком, он махнул рукой вдоль серой дорожной ленты и проговорил:

– Если господин сияющий дан поедет по серой тропе до второго поворота направо, того, что около синей скалы, то за синей скалой, он покинет предгорный лен, принадлежащий могучему дану Коггу...

Несколько секунд я внимательно рассматривал мужика, а затем весьма терпеливо поинтересовался:

– Слушай, милейший, разве я спрашивал тебя, каким образом мне побыстрее смотаться из владений Когга?!!

– Могучего дана Когга... – немедленно поправил меня полукхмет.

– Да пошел ты вместе со своим «могучим даном», – заорал я в ответ, – Как я хочу, так и буду называть этого занюханного Когга!!! А твое дело, отвечать на мои вопросы, быстро и внятно!!! Понял, полукхметская морда!!!

«Полукхметская морда» рухнула на колени и, уткнувшись мордой в пыль, забормотала:

– Прости, господин сияющий дан, прости и не карай!.. Я исправлюсь, господин сияющий дан!.. Дай мне возможность загладить свою вину, господин сияющий дан!..

– Хватит! – гаркнул я в согнутую спину, давась от горечи собственного хамства, – Встань и скажи, как мне проехать к замку Когга!..

Однако полукхмет не встал. Приподняв запыленное лицо, он быстро проговорил:

– Если господин сияющий дан поедет по серой тропе, то через две тысячи шагов, слева он увидит дорогу, вымощенную четырехцветным камнем. Эта дорога приведет его к главным воротам ближнего замка мощного дана Когга...

Сказав это, он снова уткнулся мордой в глинистую пыль.

Целую минуту разглядывал я его согнутую спину, а затем произнес постепенно становящимся для меня привычным, спокойным, высокомерным тоном:

– Ты умеешь правильно отвечать на заданные тебе вопросы, поэтому я не буду карать тебя за дерзость... И скажи своим... соседям, чтобы они больше не обижали бывшего шута Фрика... Во-первых за свою нечестивую попытку кражи он и так достаточно наказан, а во-вторых, если он действительно дан, то по законам Высокого данства кхмет, поднявший руку на дана отдается петле!

Я обвел взглядом замершую толпу и добавил, словно плюнув в нее:

– В следующий раз я вас всех перевешаю!..

После этого я развернул свою лошадь и не торопясь вернулся на «серую тропу». Толпа за моей спиной, казалось, замерла, слившись со своей каменной стеной, только Фрик довольной беззубой улыбкой провожал меня.

Моя лошадка снова перешла на ходкую рысь, и спустя несколько минут странное селение и его обитатели скрылись за поворотом дороги. А я принялся размышлять над неожиданной проблемой: стоит ли мне соваться в замок могучего дана Когга, если все встречные и поперечные уверены, что там меня ожидают сплошные неприятности.

С одной стороны, можно было спокойно убраться из лена этого могучего дана, а с другой... Меня почему-то сильно задело предложение какого-то полукхмета дать деру... Была в этом предложении, на мой взгляд, какая-то насмешка, и мне очень не хотелось, чтобы эти... пещерные жители скалили зубы на мой счет!

Две тысячи шагов, как оказалось, совсем небольшое расстояние для моей неумолимой лошадки. Я и не заметил, как они остались позади, и перед моим взором открылась весьма чудная дорога, начинавшаяся прямо от «серой тропы» и уходившей в видневшуюся вдалеке небольшую рощицу, состоявшую из невысоких широколистных деревьев. На перекрестке я остановил Пурпурную Дымку и вздохнул, не в силах выбрать правильную дорогу.

Дымка постояла с минуту, дожидаясь моего решения, а затем... приняла это решение сама. Может быть ей надоело взметать своими лапами текучую серую пыль, а может быть довольно яркие разноцветные плитки показались ей очень привлекательными, только она, не дожидаясь моего указания, спокойненько повернула налево и ступила на разноцветную дорогу.

«Значит так тому и быть... – подумал я, – И будь, что будет!»

Довольно быстро мы добрались до рощицы и вступили под тень низкорослых сосенок с медной чешуйчатой корой и темно-зелеными широкими листьями. Деревца стоял вплотную к разноцветным плиткам дороги, и тем не менее на самих плитках не было видно ни единого листочка.

Несмотря на то, что облака сегодня стояли довольно высоко, солнце сквозь них по-прежнему не пробивалось, так что день был достаточно серым, пасмурным, а в рощице и вовсе царил сумрак. Лошадка моя шла совершенно бесшумно, так что тишина разлитая между неподвижных деревьев не нарушалась ничем.

Я проехал по этой безмолвной роще несколько сотен метров, и тут, за недалеким поворотом дороги, послышался слабый треск сучка и быстрое шуршание. Переведя лошадь на шаг, я чисто автоматическим движением потянул из-за плеча меч и приготовился к отражению возможной атаки. Однако, когда мы миновали поворот, я увидел на обочине дороги небольшой обомшелый пенек, а на пеньке... своего недавнего знакомого – Фрика! Тот восседал на гнилой деревяшке и с воодушевлением... ковырял в зубах, хотя, где там можно было ковырять?!

Увидев меня, Фрик освободил свою пасть от здоровенной щепки и... улыбнулся своей обворожительной улыбкой.

– Ну и накормили ж меня полукхметы!.. – С глубоким удовлетворением просипел он, привычно заикаясь, – Вкусней не едал я ни, щей, ни котлеты.

Лишь только ты скрылся за краем скалы,
Как тотчас же были накрыты столы,
И снеди навалено было не мало...
Вот только тебя за столом не хватало!
Поэтому я, чуть утробу набив,
Вослед тебе бросился, все позабыв...

– Зачем?.. – коротко поинтересовался я, останавливая лошадь и прикидывая, каким образом он мог оказаться на этой дороге впереди меня.

– Как это – зачем? – Удивился Фрик, —

Я решил с тобой не расставаться
Даже если ты решишь... подрасться,
Хоть и не охотник я до драки,
Но могу, при случае...

– А я решил с тобой не связываться! – Довольно грубо перебил я его.

Однако, в ответ на мою грубость его улыбка расцвела еще пышнее.

– Я так и понял, – прошепелявил бывший шут, – Потому и поторопился.

Логика в его речах отсутствовала напрочь, зато наглости и самоуверенности было хоть отбавляй!

– Ну и напрасно торопился, – попробовал я осадить зарвавшегося мозгляка, – я же сказал тебе, что ты мне не нужен!!

Лучезарная улыбка Фрика увяла, и он с некоторой горечью в голосе спросил:

– Откуда знаешь ты
О завтрашней нужде?
Быть может, свет звезды

Необходимей сна?
Откуда знаешь ты...

– Оттуда!! – гаркнул я в ответ и тронул лошадь.

Однако Пурпурная Дымка неожиданно уперлась. Помотав головой, словно бы не соглашаясь с моим решением, она всего лишь переступила ногами, оставаясь на месте.

Фрик же, не замечая упрямства моей лошадки, неожиданно заговорил тоскливой прозой:

– Ничего ты не понимаешь... Я нужен тебе, ты нужен мне... Если два мертвеца встретились, им надо держаться друг друга...

От таких его слов я просто оторопел. Несколько секунд я вглядывался в его физиономию, пытаюсь угадать смысл этой «шуточки», а потом осторожно поинтересовался:

– С чего это ты взял, что я... мертвец?..

– Что ж ты думаешь, мертвец мертвеца не узнает?.. – грустно усмехнулся он в ответ.

– Ну-у-у... Я же тебя не узнал. – Резонно, на мой взгляд, возразил я.

– Это потому, что ты мертвец уже, а я мертвец еще... – все с той же грустной усмешкой ответил Фрик.

«Очень понятно, – с раздражением подумал я, – и главное, научно обосновано!»

А вслух позволил себе едкую шуточку:

– Значит ты пока еще мертвец, но скоро таковым не будешь?! И в какое же качество ты перейдешь?!

Однако, мой издевательский вопрос Фрик воспринял совершенно серьезно и так же серьезно ответил:

– Скоро я стану... э-э-э... вечно живым классиком!..

«Вот и говори с ним!.. – Изумился я про себя, – он же просто издевается!»

– Кстати, господин сияющий дан, ты знаешь, что заехал в охотничьи уголья мощного дана Когга?.. – Внезапно сменил тему разговора Фрик, – а сегодня шестнадцатый день второй луны, и, значит, будет охота?!

– Ну и что?.. – спросил я.

– Если ты здесь останешься, охота будет... на тебя.

– На меня!!! – изумился я, – На сияющего дана Высокого данства!!! Да кто ж на это решиться?!!

– Ты, видно забыл, что ты... мертвец?.. – Физиономия у Фрика была совершенно серьезной, даже грустной, – а кто ж запретит мощному дану еще раз убить мертвеца, тем более, в собственных охотничьих угольях. Не ты первый, не ты и последний! К тому же, твои доспехи... Они очень украсят охотничий зал мощного дана Когга.

– Ну хорошо, а как Когг узнает, что я нахожусь в его владениях? – поинтересовался я.

Фрик пожал плечами:

– Как только твоя лошадь ступила на «серую тропу» мощному дану стало известно, что в его владениях чужак. Когг конечно не знает, кто именно, но увидев тебя он только обрадуется...

– Как бы твой хваленый мощный дан не пожалел о моем прибытии! Такая дичь, как я может и когти показать! – Глухо ответил я и, вернув свой меч в ножны за плечом, снова тронул лошадь.

На это раз Дымка беспрекословно шагнула вперед, словно услышала все, что ей хотелось услышать.

– Их будет человек тридцать, – крикнул мне вслед Фрик без всякой шепелявости и заикания, – и учти, на службе у дана Когга имеется маг, в совершенстве владеющий Искусством!..

Вот так!

Я быстро обернулся, чтобы задать шуту еще пару вопросов, но... на пеньке никого не было!

Дымка неторопливо трусила по цветным камням дороги, а я раздумывал об услышанном. Но убраться из этой рощицы, скрыться за пределами предгорного лена у меня желания не было. Наоборот, мне хотелось разобраться, что против меня... вернее, против сияющего дана Тона, имеет мощный дан Когг?

В этот момент далеко-далеко прозвучал тоскливый вой трубы.

Я огляделся. По моим расчетам я уже должен был миновать рощицу, с «серой тропы» она казалась совсем небольшой, однако красноствольные деревья все также обступали дорожную мостовую, и даже стали как будто выше.

Снова прозвучала труба, на этот раз гораздо ближе, а затем послышался многоголосый лай.

«Они к тому же и с собаками!.. – зло подумал я, – Ну что ж, может быть я и не первый, но уж во всяком случае постараюсь, чтобы я был последним!»

И быстро пробормотав заклинание Полога, съехал с цветных камней дороги на плотный, пружинящий ковер старой листвы.

Как оказалось, я сделал это очень своевременно. Не прошло и нескольких минут, как по дороге в сторону «серой тропы» проскакали два всадника на самых обыкновенных лошадях. Они неслись во весь опор, совершенно не скрываясь, так что я решил, что они не знают о моем присутствии, и все разговоры Фрика – выдумка его больного воображения.

Пурпурная Дымка неторопливо продвигалась между деревьями параллельно дорожному полотну, а я продолжал внимательно приглядываться к окружающей природе. Минут двадцать спустя, дорога вынырнула из-под ветвей на обширную поляну, а я остановился на опушке и принялся рассматривать, открывшуюся мне картину.

В центре поляны, широко расставив ноги, стоял высоченный мужчина, наряженный в ярко-красный, кожаный охотничий костюм. На его непокрытой голове костром горела буйная, огненно-рыжая шевелюра, плавно перетекающая в такую же буйную и огненно-рыжую бородищу. Из этого рыжего шерстяного буйства выпирало мясистое, толстогубое, толстощековое лицо с крупным породистым носом и большими прозрачно-голубыми глазами. Позади него совсем молоденький паж держал за узду огромную лошадь, весьма похожую на владимирского тяжеловоза, а за его спиной висел здоровенный колчан с луком и стрелами. Ярко-рыжая масть коня ясно показывала кому принадлежит этот лошадиный монстр. Рядом с рыжим великаном притулился какой-то невеликий старикашка в темной хламидке до пят и высокой, короткополой шляпе, напоминающей колпак. Он что-то быстро говорил, держа перед собой большой стеклянный шар и размахивая свободной рукой. Время от времени он дергал великана за рукав куртки и тыкал пальцем в свой шар.

Помимо этих троих на поляне присутствовало еще человек двадцать-двадцать пять, причем двое из них держали на поводках восьмерых здоровенных собак. Они располагались в стороне от своего рыжего предводителя, или хозяина, явно дожидаясь его команды к действию. Неподалеку от этой компании под присмотром трех конюхов находились заседланные лошади. Кроме того две пары верховых медленно объезжали поляну по периметру, глядя в окружающую поляну чашу.

Едва я закончил ознакомление с расстановкой вражеских сил, как одна из патрульных пар приблизилась к тому месту, где притаилась моя Дымка. До меня донеслись короткие фразы едва слышного разговора.

– Скорее бы уже старик определил, где прячется этот чужак!..

– Да, обычно Марлок справлялся с этим делом быстрее... Что-то у него сегодня не получается.

– Если так дальше пойдет, дан заставит нас охотиться на самого Марлока, – в голосе говорившего просквозила насмешка.

– Это, может быть, было бы поинтересней, чем травить очередного бедолагу.

– Ну, не знаю что это за бедолага, но слышал, он появился со стороны Трольих гор, так что вряд ли его удастся быстро затравить, наверняка, придется погоняться за ним по лесу!

– Мне все равно, кого гонять по лесу, – ответил его спутник, – Только бы быстрее эта охота закончилась!..

– А ты куда-то торопишься?

– Не «куда-то», а к «кому-то»!.. – В этом ответе явственно прозвучало гордое самодовольство, – данеса Кона обратила на меня внимание!..

– Бедняга! – насмешливо посочувствовал гордецу его товарищ, – Тебе бы надо было перенести свидание на завтра...

– Почему?

– Данесса Кона, да еще после охоты – это ж невыносимые нагрузки...

– Ничего, я сейчас в отличной форме...

Пара удалилась от меня, так что я перестал разбирать, о чем они говорили, но довольно скоро к моему укрытию приблизилась вторая пара, и я услышал еще один тихий разговор.

– Ты слышал, наша сегодняшняя дичь пришла со стороны Трольих гор...

– Думаешь, это тролль?..

– Нет, тролли хоть и дурные, но не настолько, чтобы самим лезть под сияющую стрелу... И к тому же днем они от своих гор не уходят.

– Тогда кто?..

– Я думаю, кто-нибудь из извергов дана Тона спасся.

– Ну-у-у... После битвы прошло уже двадцать дней, если кто уцелел бы, то вышел раньше!..

– А, может, он у... троллей был?..

– Неужели ты думаешь, что тролли упустили бы свою добычу?! Они его уже давно бы принесли в жертву...

– И все-таки человек пересекший Трольи горы мог бы рассчитывать на более теплый прием... Уж во всяком случае, не оказаться в положении... дичи...

– Это ты скажи мощному дану Коггу, – в голосе говорившего промелькнула насмешка, – может он прислушается к твоему мнению...

И эта пара проехала мимо.

Теперь меня заинтересовал старик со стеклянным шаром, как я понял, местный маг. Надо было бы послушать, что он там нашептывает своему господину.

Однако, подъехать поближе я не решился, несмотря на то, что меня вместе с Пурпурной Дымкой прикрывал магический полог. У меня в запасе были другие способы услышать интересующий меня разговор. Отщипнув от своего магического кокона крохотную часть Силы, я сформировал тоненький жгут и протянул его до интересовавшей меня пары. Теперь я мог и слышать их, и видеть, чем они занимаются.

– Нет, господин мощный дан, – скороговоркой бормотал маг, – Ваша добыча все еще в пределах вашего лена! Видите эту золотистую искру, она прекрасно видна, и она приближается к центру! А это значит, что чужой, посмеявшийся без вашего дозволения переступить границу ваших владений все глубже заходит в них, все ближе подходит к нам и, значит...

– И значит, – перебил его хриплый бас дана Когга, – что если я через сто вздохов не получу от своих людей сообщения, что они видят этого чужого, мы будем охотиться на тебя!!!

– Как прикажет господин... – невозмутимо ответил Марлок, – если господину мощному дану не жаль своих людей, я готов принять участие в охоте!

Когг бросил на своего мага косой взгляд и недовольно пробурчал:

– Я сказал – через сто вздохов... Смелчак... Смотри лучше за своим шаром!..

Несколько секунд они молчали, а затем дан снова хрипло пророкотал:

– Узнать, за кем именно мы охотимся тебе так и не удалось?..

– Нет, господин мощный дан, – прежней скороговоркой ответил Марлок, – я пытался несколько раз, но у меня получается нечто совершенно невозможное...

– Что невозможное?! – рыкнул Когг.

– Нечто мертвое, хищное, очень опасное и... э-э-э... магическое...

– Ну, намешал! – усмехнулся дан, – Мертвое... магическое... Для мертвого оно слишком быстро передвигается, а для магического слишком похоже на человека!

– Да, господин мощный дан, вы правы, это безусловно человек, но...

– Значит он не мертвый и не магический!.. – хрипло отрезал дан, – Ну а уж хищный и опасный, так это даже хорошо! Интереснее будет охота!

«А что если их подразнить?.. – Вдруг подумал я, – посмотрим, что они начнут делать!»

Сформировав второй жгут, я протянул его к стеклянному шару и слегка подтолкнул магическую искру.

Едва дотронувшись до нее, я сразу понял, что ко мне эта искорка не имеет никакого отношения. Сначала я подумал, что она указывает на какое-то другое существо, но когда искра от моего толчка быстро поплыла к краю шара, даже не собираясь возвращаться на место, мне стало ясно, что она... просто помогает магу морочить голову мощному дану!

А нестандартное поведение магического маячка первым, как ни странно, заметил Когг. Выкинув в направлении шара здоровенную ручищу с указующим перстом, он заорал во всю глотку:

– Смотри, моя добыча собирается сбежать!!!

Впрочем Марлок тоже заметил необычное поведение своего «прибора», только оно застало его врасплох, и потому он слегка растерялся. Правда, тут же нашел выход:

– Ваша добыча, господин мощный дан, действительно, пытается удрать, видимо кто-то ее спугнул!.. Но я попробую ее остановить!..

– И я попробую!! – гаркнул Когг, – Вильт, кто дежурит у Совиной скалы?!!

Один из стоявших неподалеку людей вскинул голову и быстро ответил красивым, мелодичным голосом:

– Крот и Носатый, господин мощный дан!..

– Труби, что они упускают добычу!! Если чужой уйдет, то я прикажу распять обоих на скале и напущу на них белых муравьев!!

Вильт вскинул к губам странного вида трубу, и над поляной поплыл долгий тоскливый металлический вопль.

Несколько минут спустя, в ответ этому воплю прозвучал не менее тоскливый звук, только звучал он как-то... деревянно.

– Что там у них?! – гаркнул мощный дан.

Вильт в ответ чуть приподнял бровь и пожал плечами:

– Крот отвечает, что в их секторе никого нет!

Огненная грива Когга метнулась в сторону, и его водянистые глаза уставились на Марлока. А тот в свою очередь выпученными глазами разглядывал свой шар, в котором золотистая искра, подчиняясь моему новому толчку, плавала уже в совершенно другой стороне!

– Слушай... шарлатан, мне кажется, ты решил морочить мне голову?!! – В ярости прошипел дан.

– Нет, господин мощный дан... – торопливо, брызгая на свою хламидку слюной, забормотал маг. – Как я могу себе позволить такое нечестивство!.. Разве я враг самому себе, или не знаю, что меня ждет в случае неповиновения!.. Просто, господин мощный дан, должен

вспомнить, что я предупреждал его о... э-э-э... магической сути проникшего в лен чужого... Сейчас, как раз, мы наблюдаем проявление этой сути... Видимо, чужой каким-то образом смог перенестись в другую... э-э-э... местность. Но он все еще не покинул ваш лен, и я постараюсь его привязать...

– Привязать – это мысль! – Хрипло перебил его мощный дан. – Только мне кажется, что привязать надо тебя... Привязать к хорошему толстому дереву и устроить соревнования лучников... Я даже знаю условия этих интереснейших соревнований – тот, кто в тебя не попадет, будет бит кнутом, а тот, кто тебя убьет, будет распят на стене замка! И каждая десятая стрела, точно посланная в цель любым из лучников будет отмечена золотой маркой!

Когг сделал паузу, а затем злорадно поинтересовался:

– И учти, руки у тебя будут связаны, а во рту будет кляп!.. Как тебе нравится такое состязание?..

Марлок побледнел, но ответил достаточно спокойно:

– Если господину мощному дану угодно, я выдержу и это испытание... Господин мощный дан знает, что я в любом случае должен находиться около него...

– Знаю, – рявкнул в ответ Когг, – Должен находиться рядом, но не водить меня за нос! А сегодня ты чуть было не сорвал мою охоту!!!

– Но, господин мощный дан... – зачастил старый маг, однако хозяин его уже не слушал. Повернувшись в сторону своих придворных, он зычно заорал:

– Вильт, прикажи вынести пленников, будем охотиться на них!

Вильт снова вскинул свою трубу и издал короткий мелодичный звук.

С минуту ничего не происходило, а затем из-за деревьев, с противоположного конца поляны выехала странная короткая повозка на двух колесах. На колесной оси этого транспортного средства была укреплена большая деревянная клетка, в которой сидели, прижавшись друг к другу спинами двое... гномов!

Правда, поначалу я принял их за обычных, человеческих уродцев-горбунов. Гномы – народец самодостаточный, гордый и опрятный, а эти двое были одеты в какое-то рванье, лишь отдаленно напоминающее длинные рубахи, штанов у них вовсе не было, так же как не было головных уборов и обуви. И только взгляды, бросаемые по сторонам сквозь включенные, падающие на лицо волосы, выдавали несгибаемые гномьи натуры. А кроме того, вряд ли обычным уродцам стали бы стягивать руки за спиной и надевать на голые ноги здоровенные кандалы.

Двое приближенных, а может быть слуг, быстро развязали веревки, удерживавшие клетку на повозке, и сняли ее. Затем грубо вытащили из нее гномов и поволокли их к своему господину.

Тот с высоты своего роста оглядел малышей и... расхохотался. Отсмеявшись, он чуть наклонился и обратился к пленникам:

– Ну вот пришла и ваша очередь!..

В этот момент включенная борода одного из гномов дрогнула, и он неожиданно плюнул, да так, что густая коричневая слюна угодила мощному дану точно в глаз!

«Ну, все! – обреченно подумал я, – Сейчас он обоих просто порвет голыми руками!»

Однако дан совершенно спокойно вытерся рукавом своей куртки и с хищной улыбкой продолжил:

– Вам не удастся вывести меня из себя и получить быструю смерть!.. Я обещал, что вы будете умирать медленно и мучительно, и сдержу свое обещание. Сейчас вас развяжут и... отпустят.

Гномы молча переглянулись, а Когг продолжал:

– Я буду ждать двадцать вздохов, а затем мы начнем вас травить. Посмотрим, на что способны хваленые равнинные гномы.

– А может быть не стоит нас развязывать? – Неожиданно спросил один из гномов гулким басом, – травить безоружных и связанных безопасней, чем травить просто безоружных!..

– Зато это не так интересно!.. – Ухмыльнулся в ответ Когг.

Рыжий великан сделал знак державшим гномов слугам, и те принялись освобождать малышей, а сам мощный дан направился к своей лошади и через пару секунд был в седле. Поправив на поясе длинный охотничий нож, мощный дан взял у пажа колчан, вытащил из него лук, в сам колчан вместе со стрелами перебросил через плечо. Изготовившись таким образом, он махнул рукой слугам:

– Отпускайте!..

Слуги отомкнули на гномах ножные кандалы и, прихватив с собой цепи и веревки, бросились в сторону противоположной опушки, к повозке.

Гномы повели плечами, потеряли огромными ладонями свои распухшие запястья и неторопливо направилась к лесу... точно в мою сторону. Я тронул Дымку и отъехал чуть глубже в лес. Спустя несколько секунд между деревьями мелькнули рваные рубахи гномов.

Оказавшись между деревьями, малыши пошли гораздо быстрее, хотя и не переходили на бег. Я следовал за ними, прикидывая, сколько это будет – двадцать вдохов. Выходило, что те так уж и много. На мой взгляд гномам следовало поторапливаться, если они хотели спастись.

Но тут два оборванца заговорили, и я понял, что спастись они и не надеются.

– До скал нам не добраться... – пробасил тот, что предлагал дану не развязывать их, – А здесь под землю далеко не уйдешь, отроют!..

– Нам бы по дубинке сварганить, – ответил второй неожиданно высоким писклявым голосом, – можно было бы пободаться!..

– Ага, пободаешься... дубинкой против лука... – пробасил первый.

– Ну что ты вечно ноешь, Кнуре, то тебе не так, это тебе не так!.. – Запищал второй.

– Ничего я не ною... – покачал головой Кнуре, – но и не строю бессмысленных планов, как ты... Думаешь мне не хочется достать дубинкой этого рыжего переростка?! Но я же понимаю, что это невозможно...

– Чего не возможно?! – возразил второй, – нам бы дубинки достать, да заросли погуще найти, вот там, где их луки ничего не будут стоять, мы и могли бы... пободаться! Мечей-то у них нет!

И вдруг он наклонился и выволок из-под слежавшейся листвы здоровенный сук, раза в два выше собственного роста.

– Во! Как раз то, что надо!!

– Гнилой... – буркнул басом Кнуре.

Пискля размахнулся своей находкой и грохнул по стволу стоявшего рядом дерева. Сук, вопреки прогнозам Кнуре выдержал, а по роще прокатился глухой стон.

– Ничего не гнилой! – радостно пропищал вооружившийся гном, – Щас и тебе такой же отыщем...

В этот момент над лесом проплыл тоскливый вой трубы и послышался собачий лай. Охота началась!

Тем не менее гномы остались внешне спокойными. Переглянувшись, они перешли на неторопливый бег, но при крохотном росте это мало повлияло на скорость их передвижения. На бегу они не смотрели себе под ноги, а пристально оглядывали окрестности. Через несколько секунд они, не сговариваясь, повернули направо и помчались к видневшимся между деревьями зарослям кустарника.

Едва гномы исчезли в кустах, как между деревьями замелькали псы. Судя по их целеустремленности, они прекрасно знали в какую сторону направлять свой бег, а вот всадников пока еще не было видно.

«Быстро, однако, закончилась охота дана Когга!..» – подумал я, отъезжая немного в сторону. Восемь волкодавов окружили кустарник, в котором скрылись гномы, и громким, хриплым лаем возвестили о выполнении своей задачи. И тут мне в голову пришла интересная мысль. Не то чтобы я очень хотел спасти оборванных малышей, хотя мне и было их жалко, скорее мне было интересно поведение рыжего дана в запутанной ситуации. Поэтому я решил подбросить ему задачку.

Пришпорив Дымку, я послал ее навстречу охотникам. Избегая встречи с основной группой, я забирал левее, мне необходимо было отыскать охотника одиночку. И скоро я своего добился – между деревьями мелькнул всадник, явно торопившийся на звук собачьего лая. Я немедленно развеял окутывающую меня магическую пелену и громко свистнул. Всадник, естественно тут же осадил лошадь и оглянулся. Я выехал на открытое место, а затем спокойно развернулся и снова скрылся за деревьями.

Придворный мощного дана Когга застыл на месте, словно не веря своим глазам, а затем припустился было за мной следом. Однако, снова увидев меня, он резко остановил лошадь, а затем повернул лошадь и что есть мочи понесся... Куда?

Я снова произнес заклинание Полога и послал Призрачную Дымку следом за всадником.

Вот тут моя лошадка себя и показала. Все той же казалось бы неспешной рысью она без труда настигла скакавшую галопом лошадь и неслышно пошла рядом. Через пару минут мы настигли основную группу охотников, окружавшую рыжего Когга, они уже приближались к зарослям кустов, в которых спрятались гнома.

Едва увидев своего господина, придворный Когга заорал во весь голос:

– Господин мощный дан!!! Господин мощный дан!!! Я видел только что сияющего дана Тона.

Рыжий гигант, услышав такое сообщение, мгновенно поднял своего битюга на дыбы и развернул его на одном месте.

– Где?!! – Взревел он, хватая подскакавшего придворного за воротник, – где ты его видел?!!

– Вот, здесь, в лесу!.. – полупридушенно просипел придворный, пытаясь повернуться в седле, и тыча себе за спину свободной рукой.

В этот момент из-за деревьев показался Марлок. Колотя пятками в бока своей малорослой лошадки, он кричал высоким фальцетом:

– Господин мощный дан, чужак снова вернулся!.. Он снова где-то рядом с нами!..

– Веди!!! – Рывкнул Когг, отпуская воротник своего клеветы и не обращая внимания на вопли мага.

– Господин высокий дан, а как же гномы... – неожиданно подал голос стоявший рядом Вильт, – мы же их почти настигли...

– Какие гномы?! – Прохрипел мощный дан, – ты разве не слышал, кто пожаловал к нам в гости?! Оставь пару собак, чтобы малыши не скрылись, мы с ними потом разберемся!..

– Я осмелюсь напомнить, господин высокий дан, – все тем же совершенно спокойным голосом проговорил Вильт, – что мы имеем совершенно достоверные данные о том, что сияющий дан Тон погиб в Трольих горах... Возможно, Трито видел... э-э-э... призрак сияющего дана?..

Он внимательно посмотрел на всадника, принесшего столь невероятную весть и с тонкой усмешкой добавил:

– А вообще-то он с самого утра жалуется на... голову... После вчерашнего ужина она у него не слишком хорошо... варит.

Рыжий дан шумно выдохнул и уперся тяжелым взглядом в лицо несчастного Трито.

С минуту помолчав, Когг хрипло поинтересовался:

– Может у тебя, малыш, действительно, виденья с похмелья?..

– Господин мощный дан, я же... это... догнал его!.. – Умоляющим голосом пролепетал Трито.

– Что значит – догнал? – Переспросил внезапно успокоившийся дан.

– Ну... Когда я его увидел, я тоже сначала подумал, что у меня... эти... видения...

Тогда я поехал за ним и... снова его увидел!..

– Увидел, значит... И как же он выглядел?

– Да, как всегда... В своих кровавых доспехах, с мечом за плечом и секирой у седла...

– Он был пеший?

– Нет он ехал на лошади...

– На гнедом жеребце... – в голосе Когга не было вопроса, он просто констатировал всем известный факт.

– Нет... – пролепетал в ответ Трито, – у него была такая... красноватая лошадь...

Тут он, словно вспомнив нечто совершенно невероятное, вскинул на своего господина совсем уже безумный взгляд и выдохнул:

– Прозрачная... такая!..

Дан Когг не сводил с говорившего пронизательного взгляда, как будто старался проникнуть в некий тайный смысл его слов, а может быть его... видений. И тут из-под его локтя вынырнул Марлок и негромко затараторил:

– Господин мощный дан, это конечно же тот самый чужак, появления которого мы ждали!.. А лошадь его – это та магическая составляющая, о которой я вам твердил!.. Возможно эта самая магическая лошадь и переносит чужака из конца в конец твоего лена!..

Наконец дан обратил на него внимание и, опустив взгляд, задумчиво переспросил:

– Так что же это – сияющий дан Тон не погиб да к тому же обзавелся какой-то магической лошадью?.. Или это все-таки его неуспокоенный призрак бродит по земле?..

И не дожидаясь ответов на свои вопросы он снова взглянул на испуганного Трито.

– Веди... Показывай, где ты его встретил.

Тот развернул свою лошадь и двинулся к месту нашей встречи. Вся кавалькада, возглавляемая Коггом последовала за ним. Сам дан оглянулся и, найдя глазами Вильта, приказал:

– Позаботься о гномах... Мы, я думаю, скоро вернемся и продолжим свою потеху.

Вильт тут же подал знак двоим из всадников, бывшим, по всей видимости, псарями, и те остановили своих лошадей, соскочили на землю и направились к окружившим кустарник собакам. Четверых из волкодавов они взяли на повод, а другую четверку оставили на свободе.

Я дождался, когда стих топот копыт свиты Когга, отъехал поглубже в лес и развеял заклинание Полога. А затем, пустив Дымку шагом вернулся к оставшимся у кустарника всадникам. Причем ехал я понуриив голову и словно бы не обращая внимания на то, что меня окружало.

Оставшиеся с собаками люди были увлечены каким-то разговором и заметили меня не сразу. Да и лошадка моя ступала совершенно неслышно. Я успел подъехать к ним шагов на двадцать, когда один из них, бросив посреди фразы рассеянный взгляд в мою сторону, вдруг замолчал и застыл в седле, раскрыв рот. Второй, удивившись столь необычному поведению своего товарища, посмотрел в направлении его взгляда и также оторопел, но его оторопь длилась недолго. Стоило мне поднять голову и взглянуть на них в упор, он тоненько

взвизгнул и ударив свою кобылу каблуками сапог в живот, стремительно рванулся... прямо в кустарник! Его лошадь, понуждаемая удилами врезалась в густые заросли и в этот момент над головой всадника взметнулась уже виденная мной дубина. В следующее мгновение раздался глухой удар, всадник вылетел из седла и, ломая кусты рухнул на землю, а освободившаяся лошадь рванулась в сторону, утаскивая за собой и привязанных к седлу собак.

Грохот падения его привел в чувство второго пса. Он вздрогнул всем телом, и тоже врезал своей лошади каблуками под брюхо. Однако, он не рванул, как его товарищ, в кусты, с диким криком: – Он здесь!!! – всадник направил свою лошадь прямо на меня, и проскочил мимо чуть ли не задев мою секиру. Я конечно же мог одним ударом зарубить его, но мне как-то не пришло это в голову. Не дожидаясь, пока он скроется, я двинулся в сторону кустов.

И тут на меня напали четверо оставшихся на свободе псов! Они не рассуждали, призрак я или живой человек, с каким-то утробным ворчанием, они окружили мою лошадь и... И ничего не успели сделать. Каким-то неуловимым броском Пурпурная дымка выметнула чуть в сторону и вниз свою косматую голову и... перекусила одну из собак пополам! Другой волкодав прыгнул, целясь в горло моей лошади, но в полете его встретил мой меч – я даже не сообразил, каким образом он оказался в моей руке. И тут же позади меня раздался хриплый визг. Я обернулся как раз вовремя, чтобы подставить свой длинный клинок, последней собаке, прыгнувшей на круп лошади.

Только после этого я смог оглядеться. Три из четырех псов валялись мертвыми, а четвертый дергался в траве и хрипло скулил. Судя по его распоротому брюху, Дымка достала его своей задней лапой!

Я наклонился с седла и аккуратно вытер клинок о шкуру одной из убитых собак. Затем, вложив меч в заплечные ножны, я подъехал поближе к кустам и негромко позвал:

– Эй, ребята, давайте, выбирайтесь, я попробую вывезти вас в безопасное место...

И тут же из кустов раздался насмешливый бас Кнуре:

– Слышь, Пикля, нас явился спасать сам сияющий дан Тон!.. Что скажешь, выйдем мы из кустов?!

– Нет, – отозвался писклявый Пикля, – пусть лучше он к нам лезет... Тут я его и... приласкаю!

Я, признаться, рассердился:

– Вылезайте, дураки, ваш рыжий друг Когг, может вернуться в любую минуту и тогда вашим шкурам точно несдобровать!..

– Ага! – Пронзительно заверещал Пикля, – а если мы вылезем, то нашим шкурам, значит, сдобровать?!

– Не считай нас за идиотов, сияющий дан, мы тебя ох как хорошо знаем! – Пробасил Кнуре.

Тут я, признаюсь, несколько растерялся. Конечно, можно было бы просто уехать и оставить этих упрямец их судьбе и дану Коггу, но тогда они точно погибли бы, а как их убедить, что я уже не такой кровожадный, каким был... совсем недавно, я не знал.

– Но вы же видели... – неуверенно произнес я, обращаясь к кустам, – я прогнал ваших сторожей и убил собак, и все-таки вы мне не верите...

– Мы видели, что тебя боятся даже люди, и что ты способен просто так зарубить даже безвредных собачек!.. – Пробасил из кустов Кнуре.

– И вообще, наших сторожей мы сами прогнали – прибавил к сказанному Пикля своим фальцетом, – Один, вон, оглоушенный валяется, а второй увидел мой все сокрушающий удар, испугался и удрал!..

– Значит, не вылезете?! – Спросил я самым рассерженным тоном, – значит будете сидеть в кустах и ждать, когда до вас доберется мощный рыжий Когг?!

– Если до нас доберется рыжий, то он нас... ну... может быть... порежет на кусочки... – раздумчиво ответил Кнуре, – а вот если до нас доберется благочестивый сияющий дан Тон, то... я даже представить себе не могу, чего он из нас... нарежет!..

И тут мне в голову пришла светлая мысль!

– А если я поклянусь, что не трону вас?! Если поклянусь... Небесной Матерью?!

Ответом мне было долгое молчание, а потом из кустов донесся изумленный бас:

– Ха!.. Да если ты поклянешься Небесной Матерью, тебя тут же на куски разорвет!!

– Ну, смотрите!.. – Воскликнул я и для вящей убедительности поднял над головой раскрытую правую ладонь, – Клянусь Небесной Матерью, ее жизнью и здоровьем, что ничем не обижу прячущихся в этих кустах гномов Кнуре и Пиклю и помогу им скрыться от мощного дана Когга!!!

И снова наступило долгое молчание, и вдруг из кустов раздался басовитый шепот:

– Ты слышал? Он Небесной Матерью поклялся!..

– И не лопнул!.. – Ответил писклявый шепот.

«Им бы стоило поторопиться... – с тревогой подумал я, – сбежавший паренек уже наверное догнал своего рыжего дана и доложил, где меня можно найти!»

В этот момент чуть в стороне от меня кусты осторожно раздвинулись, и между густыми ветками просунулась включенная голова Кнуре. Внимательно меня оглядев, он спросил:

– А ты точно сияющий дан Тон?..

– Точно, точно! – Торопливо подтвердил я, – вылезайте уже, а то не успеем уйти!

– А как ты нас собираешься... спасти?..

– Сядете позади меня на лошадь и скажите, куда вас отвезти.

– Тогда ты будешь знать, где нас потом искать... – заосторожничал гном.

– А вы не говорите, где живете, скажите место, в котором вы просто сможете спрятаться!

Гном с сомнением покачал головой, но именно в этот момент далеко в лесу послышался лошадиный топот. В мгновение ока оба малыша выскочили из кустов и через секунду сидели позади меня, на крупе Пурпурной Дымки. Я и охнуть не успел, как маленький кулак застучал по спине моего панциря, и свистящий шепот потребовал:

– Давай, погоняй свою лошадку!!!

– Да куда погонять-то?.. – Переспросил я, трогая Дымку.

– К Совиной скале!.. – Скомандовал басок.

– И где она находится? – Задал я новый вопрос.

Конский топот, между тем, звучал все ближе.

– Гони вот в этот просвет... – маленькая рука просунулась у меня подмышкой и махнула вперед, – а где сворачивать я скажу!

Впереди, справа от зарослей кустарника, в котором прятались гномы, действительно намечался некоторый просвет, в него я и направил свою лошадку.

Несколько минут за моей спиной царил тишина, видимо гномы прислушивались к звукам погони, а потом началось перешептывание.

– Слышь, Кнуре, странная какая-то лошадь у этого дана... Красная и... прозрачная!..

– Не красная, а пурпурная... И не прозрачная, а... призрачная.

– Прозрачная, призрачная – какая разница! Я и так-то на лошадях ездить боюсь – высоко, а тут еще и все камни под тобой видны!

– А под тобой будто не видны?! – Обиделся Кнуре.

– И подо мной видны... – согласился Пикля, – я и говорю – странная лошадь.

– У странного дана странная лошадь... – глубокомысленно заявил Кнуре, – что ж тут странного?

Они снова замолчали, а через несколько минут в бок моего панциря снова стукнул маленький кулачок.

– Ну?.. – Не оглядываясь, спросил я.

– Слушай, сияющий дан Тон, где ты такую ходкую лошадку отыскал? Смотри, и не торопится, а бежит, как бешеный единорог!..

– Где отыскал, где отыскал, – раздраженно ответил я, – сам сделал!..

За моей спиной испуганно замолкли.

Раздражение мое было вызвано тем, что просвет, на который мне указали гномы, оказался обманчивым. Деревья снова плотно сомкнулись, и мы ехали в самой дремучей чащобе, какую я только мог себе представить! Спустя несколько минут, уже я задал гномам вопрос:

– Слушайте, ребята, мы правильно едем-то?..

– Правильно, правильно!.. – Тут же ответил Кнуре, – вон уже видна сгоревшая сосна – около нее как раз проходит тропинка. Свернешь направо, а там до Совиной скалы рукой подать.

И тут я вспомнил:

– Так ведь у Совиной скалы сторожат!..

– Кто?! – Немедленно отозвался Кнуре.

– Эти... как их... – я напряг память, – Крот и Носатый!..

– Убью гадов!!! – Во всю глотку заверещал Пикля.

«Ого! – Я даже вздрогнул, – какой злобный, кровожадный гном!»

И тут же раздалось басовитое шипение Кнуре:

– Тихо, ты, убийца!.. Чего орешь на весь лес, хочешь чтобы эти паразиты тебя услышали?! И чем ты их убивать собираешься, кулаком?.. Ты ведь даже свою дубину потерял!..

– Да ведь они... Они... Они... – почти рыдая пищал Пикля.

– Знаю, что они! – снова оборвал его Кнуре, – Только сейчас наша задача живыми домой добраться... А там посмотрим!..

Тут я не выдержал, чуть развернувшись в седле, я негромко спросил:

– Что они, Пикля?.. Что тебе сделали Крот и Носатый?

Но гномы мне не ответили. За моей спиной было тихо, словно два малыша притаились в засаде. Я вздохнул и... не стал повторять свой вопрос.

У сожженной сосны, обгоревшей, кстати, весьма странно – метров пять от комля были совершенно не тронуты, а середина ствола была обуглена так, что было непонятно на чем держится зеленая верхушка, так вот, у сожженной сосны, действительно, пробежала едва заметная тропка. Я свернул, как было сказано, направо, и Дымка ходко двинулась дальше по тропке. Через несколько сотен метров лес начал редеть, а скоро деревья и вовсе расступились опушкой. Мы выехали на открытое пространство и сразу же увидели Совиную скалу, она действительно была похожа на огромную бурую взъерошенную сову, присевшую переждать день. Рядом со скалой я заметил двух всадников.

Нет, трех!

Гномы, по всей видимости, тоже увидели их, потому что писклявый Пикля тут же поинтересовался:

– Сияющий дан, ты нас специально вводил в заблуждение или сам ничего не знал?!

Но за меня вступился основательный Кнуре:

– Что значит – ничего?! Кое-что он знал... А ошибиться... на одного... каждый может. Ты сам что ли не ошибался?!

– Во всяком случае, двое из них – Крот и Носатый, – проговорил я, – а вот кто третий, мы сейчас узнаем. А вы, пожалуйста помалкивайте, и тогда мы проедем незамеченными!

Пикля начал что-то говорить, но Кнуре резко его оборвал, и за моей спиной воцарилась тишина. А я тем временем снова произнес заклинание Полога, укрыв магической пеленой

и себя, и свою лошадь, и, конечно же, своих пассажиров. Затем я тронул Дымку, и она неторопливо двинулась в направлении Скалы.

Стража, поставленная мощным данном Коггом медленно приближалась. Постепенно я начал различать экипировку всадников и понял, что двое из троих – воины, на них были надеты легкие пластинчатые доспехи, прикрывавшие туловище и руки, штаны, по всей видимости, кожаные и высокие сапоги. На головах у них красовались шлемы, похожие на ведра, без забрал, так что были видны лица. Из вооружения я заметил мечи и луки. Но больше меня заинтересовал третий всадник, он был невысок, одет во что-то темное, восседал на невысокой лошади и показался мне странно знакомым! Все трое держались вместе, и оба воина то и дело поднимались на стременах, пристально оглядывая окрестности.

Мы подъехали еще ближе, чтобы попасть к Совиной скале, нам надо было прошмыгнуть буквально под носом у стражи, но я твердо надеялся на свой Полог и бесшумную рысь Пурпурной Дымки. Однако, когда до заставы осталось метров сто, темный всадник поднял руку и что-то крикнул, указывая точно на нас!

Именно в этот момент я и узнал низкорослого, это был маг Марлок!

Крот и Носатый выхватили свои мечи и пригнувшись в седлах послали было своих лошадей в нашу сторону, но Марлок остановил их пронзительным визгом:

– Стойте!!! Я развею призрак, а вы схватите гномов!!!

И словно в ответ на этот визг, из-за моей спины послышался другой визг:

– Убью!!!

Тут я почувствовал, как из ножен на моем поясе выдернули кинжал.

Тем временем Крот и Носатый осадили лошадей, а Марлок принялся что-то бормотать и размахивать руками. Я не слишком понимал, чем он там занимается, но на всякий случай до предела уплотнил свой магический кокон и сформировал несколько крошечных сгустков Силы.

И только тут до меня дошло, что нас увидели, несмотря на окутывающую нас магическую пелену. Причем, увидели... простые солдаты!!!

В этот момент с пальцев мага посыпались оранжевые искры исходившие плотным оранжевым дымом. Искры гасли, не долетев до земли, а дым, не рассеиваясь в воздухе, зависал над землей плотным одеялом двухметровой толщины, и внутри него просверкивали огненные зигзаги. Когда это одеяло стало огромным, Марлок набрал полную грудь воздуха и дунул в нашу сторону. Густой оранжевый туман медленно поплыл к нам. Марлок все дул и дул, стараясь, по всей видимости, как можно сильнее разогнать свое облако, а я лихорадочно перебирал свой магический арсенал, пытаюсь подобрать контрзаклинание!

И тут за моей спиной снова раздались голоса.

Басом: – Кажется, нас заметили...

Фальцетом: – Еще как заметили!..

Басом: Мне кажется мы можем попробовать подобраться поближе к тем двум негодьям под этим... облачком.

Фальцетом: – И убить!..

Басом: – У них мечи и... луки.

Фальцетом: – У меня тоже меч есть!.. Убью!!

Басом: – Второй раз мы им не дадимся!!

– Тихо! – Рывкнул я, – и не вздумайте слезать на землю! Предоставьте это дело мне!!

Я сложил пальцы правой руки в некую довольно замысловатую фигуру, прошептал заклинание Испепеляющего Пламени и плюнул в сторону облака.

Сформированные мной сгустки Силы вспыхнули в воздухе бенгальскими огнями и, оставляя за собой хвосты белого дыма, рванулись к оранжевому облаку, находившемуся уже метрах в тридцати от нас.

Шесть ослепительно белых огней канули в оранжевую муть, и несколько долгих секунд ничего не происходило, а затем раздалось резкое шипение, и из середины оранжевого облака в небо ударил столб белого пламени. Облако дрогнуло, и вдруг стало стремительно втягиваться само в себя, как будто внутри него включили гигантский пылесос. Спустя несколько мгновений, от облака ничего не осталось, а пылавший в небе белый факел медленно, словно бы нехотя, погас.

В этот момент я развеял за ненадобностью свою магическую пелену, и потянул из-за спины меч, считая, что теперь моими главными противниками будут два вооруженных всадника.

Но я ошибся!

– Ага!!! – Взвизгнул придворный маг Когга, – Мне удалось вырвать призрак из покрыва Небесной Кары!!! Теперь он бессилен и я отправлю его в небытие!!! Возьмите гномов, призрак вам не помеха!!!

Визг Марлока был и нам ясно слышен, а для двух находившихся рядом с ним всадников, он, видимо, стал просто гласом Божьим. Они взмахнули мечами и пустили лошадей вскачь. Сам же Марлок взметнул вверх руки, и вдруг его лошадь стала... подниматься в небо! Быстро перебирая ногами невысокая темная лошадка забиралась все выше и выше, а темный маг, восседавший у нее на спине уже плел какое-то новое заклинание. Только теперь я понял, каким образом он оказался у Совиной скалы раньше нас!

Выхватив из своего магического кокона солидный кусок, я швырнул его навстречу летящей лошади колдуна. Когда выброшенная мной Сила окутала летящего всадника, я приказал ей уплотниться, а затем... вернуться к моему кокону!

Видели бы вы результат!!!

Темный всадник, только что паривший в небесах и готовивший мощный магический удар, рухнул вниз, словно его смахнула с неба некая невидимая, но могущественная длань. В нескольких метрах от земли Морлок вывалился из седла, а перед самым ударом о землю его фигура словно бы зависла в воздухе, пытаясь смягчить падение. Но...

Первой в короткую жесткую траву рухнула лошадка, а следом за ней упало тело мага. Лошадь сразу же исчезла из поля моего зрения, а темная фигура мага несколько раз дернулась и затихла неподвижным плоским пятном.

Крот и Носатый были в момент падения Морлока метрах в пятнадцати от меня. По какому-то совпадению маг свалился чуть ли не под ноги их лошадкам, и в тот же момент оба всадника, резко натянули поводья останавливая стремительный бег своих скакунов. Не доскакав метров десять, они застыли, и их лица исказил ужас. Правый, не знаю, кто это был – Крот или Носатый, хрипло просипел побелевшими губами: – Да ведь это сияющий дан Тон!!! – После чего оба, не сговариваясь, развернулись и бросились наутек...

– Догоняй!!! Догоняй же!!! – Раздался за моей спиной оглушающий визг Пикли.

И вдруг он спрыгнул на землю и бросился вдогонку за скачущими лошадьми, размахивая стянутым у меня кинжалом и вопя что есть мочи:

– Стойте!!! Стойте, негодяи!! Стойте, труссы, примите смерть, как подобает мужчинам!!!

Впрочем погоня малыша-гнома была с самого начала обречена на неудачу, его коротеньким ножкам невозможно было тягаться с лошадиным галопом, а оскорбительные вопли несколько не подействовали на удиравших всадников. Шагов через двадцать Пикля остановился и... повалился в траву, рыдая!

Через секунду Кнуре оказался рядом со своим другом, опустил на одно колено и принялся молча гладить Пиклю по спине.

Я тоже спрыгнул на землю и подошел к гномам. Кнуре сурово взглянул на меня, и я, смутившись, спросил:

– Что это с ним?..

Кнуре вздохнул, покачал головой, потом встал и шагнул в сторону, делая мне знак следовать за ним. Мы отошли шагов на пять от рыдающего гнома, и Кнуре тихо заговорил:

– Ты нас спас... и я тебе расскажу, хоть ты и... человек.

Он бросил хмурый взгляд на своего друга и после паузы продолжил:

– Мы оказались во владениях мощного дана Когга случайно, шли вдоль очень богатой золотой жилы... Жадность нас заморочила. С нами была... подруга Пикли, очень уж ему хотелось перед ней похвастать своим мастерством. И как раз у Совиной скалы у нас кончилась еда. Ну Една, это его подругу так звали, Една и решила выбраться на поверхность, поискать чего-нибудь съедобного... Тут ее Крот и Носатый поймали!..

Кнуре замолчал и, посмотрев на лежавшего Пиклю, вздохнул.

– Вы пошли на выручку?.. – догадался я.

Кнуре кивнул косматой головой и горестно посмотрел на меня:

– Не мог же я его одного отпустить?! А оружия у нас, кроме обушков никакого не было... В общем, нас тоже схватили!..

– Значит, Една осталась у Когга... – задумчиво проговорил я.

Но Кнуре отрицательно покачал головой:

– Они ее замучили... Крот и Носатый... Прямо на наших глазах... А потом сожгли...

У меня в горле вырос жесткий, колючий ком, но, прорывая его, я прохрипел:

– За что?!!

Кнуре снова опустил голову и тихо проговорил:

– Ни за что... Просто потому, что они... люди...

Потом он глубоко вздохнул и громко сказал:

– Ладно, ты, сияющий дан Тон, выполнил свое обещание. Отсюда мы уж как-нибудь сами доберемся до дома... А ты... езжай по своим делам.

Он бросил на меня быстрый взгляд и смущенно добавил:

– Ну, конечно, если ты хочешь за свою услугу золота, там, или камушков... мы можем...

– Мне ничего не надо... – тихо прохрипел я, в моей голове колокольным звоном отдавались его слова «Просто потому, что они люди!»

Кнуре кивнул, молча повернулся и побрел к своему товарищу.

Пикля, видимо, успел успокоиться, потому что, стоило Кнуре приблизиться, как маленький гном медленно поднялся на ноги и неуклюже принялся вытирать лицо. Кнуре что-то тихо сказал ему, и Пикля бросил через плечо быстрый взгляд в мою сторону.

Я стоял совершенно неподвижно, пытаюсь осмыслить только что услышанную историю. Она просто не укладывалась в моем мозгу!

Кнуре, между тем продолжал что-то втолковывать Пикле. Наконец Пикля резко махнул рукой и, развернувшись, быстро направился в мою сторону. Подойдя, он сначала протянул мне кинжал, а затем взял мою левую руку, с явным усилием развернул ее ладонью вверх и, вложив в кованую перчатку четыре очень крупных, разноцветных камушка, сжал мои пальцы в кулак.

– Это я для нее нашел... Теперь это для тебя... Спасибо... и... прощай...

Он быстро развернулся и бросился бегом к своему другу.

Они уходили в сторону Совиной скалы не оглядываясь, и их драные лохмотья развеивались на легком ветерке. А я смотрел им вслед и... рыдал... хотя моих слез никто не видел. Я оплакивал незнакомую мне Едну и малознакомого Пиклю и... людей, которые могут замучить живое существо «просто потому, что они люди»!

И тут за моей спиной раздался знакомый голос, громко распевавший:

– Веселый дан на свете жил,
Пил пиво, мясо жрал,
И никогда он не тужил,
Со всей округою дружил,
А женщин обожал.
Но срок пришел, и час пробил,
В гробу роскошном дан почил...

Я обернулся и увидел, что ко мне странной танцующей походкой приближается Фрик, и в руках он держит ту самую дубину, которую Пикля потерял, выбираясь из кустов. Увидев, что я заметил его, Фрик оборвал свою песню и громко крикнул:

– Ну что, мой сияющий дан,
Обет, что тобою однажды был дан,
Надеюсь, ты свято блюдешь?
И скоро ль под тучами этими
Ни тролля, ни гнома, на бага, ни нежити
С огнем белым днем не найдешь?!

Поверите, я даже обрадовался появлению этого полоумного экс шута. Правда, эта его поэзия!..

– Слушай, Фрик, ты не мог бы говорить прозой, – с усмешкой попросил я. – От твоей поэзии меня корежит!

– Ну, раз ты не понимаешь высокого штиля, изволь, – он снова обрадовал меня своей неповторимой улыбкой, – я буду говорить низкой прозой! Но, во-первых, только когда мы будем вдвоем, ибо я не хочу из-за твоих низменных вкусов терять свое перерождение, а во-вторых, за это ты позволишь мне тебя сопровождать... когда я сам этого захочу.

– Вот так! – С новой усмешкой воскликнул я, – сияющему дану Высокого данства ставит условия... неизвестно кто!

– Ты неправ, – покрутил головой Фрик, – труп сияющего дана Высокого данства ставит условия будущий гений Высокого данства и его классик!

– Почему ты упорно называешь меня трупом, мертвецом, хотя отлично видишь, что я вполне жив?!

– Хм... Мало ли что я вижу... Посуди сам – высший дан, твой господин, объявил семидневный траур по сияющему дану Тону – значит сияющий дан Тон мертв! Супруга сияющего дана Тона, сияющая дана Хольна, надела траур и подыскивает для себя новую партию, значит сияющий дан Тон мертв! Черные изверги – гвардейцы сияющего дана Тона, избрали себе нового командира, значит сияющий дан Тон мертв! Так кто же ты, если не труп, не мертвец?!

– Но, согласись, стоит мне появиться перед высшим даном, встретиться с моей женой, показаться моим черным извергам, и меня тотчас признают живым, а весть о моей смерти объявят ошибочной! – Произнес я, усаживаясь в седло.

Фрик склонил голову к левому плечу и задумчиво продекламировал:

– Слово – скрытой мысли жесткая короста,
Кто поверит слову – нет таких людей!
В этом мире, друг мой, умереть так просто,
Вот воскреснуть, знаешь, будет потрудней!

Я долго смотрел на экс-шута с высоты своего положения, а потом медленно проговорил:

– Посмотрим... Надеюсь ты подскажешь, как мне добраться до столицы... э-э-э... Высокого данства?

– А зачем тебе понадобилось в столицу? – ответил вопросом на вопрос Фрик.

– Я надеюсь найти там высшего дана, свою жену и своих гвардейцев...

– Чтобы предстать перед высшим данном, надо отправляться в его летнюю резиденцию. Но еще не известно, дадут ли тебе аудиенцию. Чтобы встретиться с твоей женой, придется ехать в твое... в ее поместье на берегу Святого океана. Но еще неизвестно, захочет ли она видеть какого-то самозванца, она ведь в трауре. Чтобы найти остатки твоей гвардии надо... Я даже не знаю, где сейчас орудуют твои бандиты!

Он посмотрел на меня снизу вверх, снова улыбнулся и спросил:

– Так куда ты хочешь ехать?..

– В летнюю резиденцию высшего дана! – Немедленно ответил я.

– Поехали! – Пожал плечами Фрик, повернулся и потопал в сторону Совиной скалы.

Я тронул Пурпурную Дымку, и она двинулась шагом вслед за шутком.

Глава 4

*... Не ешь, не, говори, не пой,
Не спи, не бодрствуй, не надейся,
Тебя теперь распнет любой,
В ком есть хоть капелька злодейства...*
(Из «Горючих стихов» Фрика)

Серый, сумрачный день скатывался стремительным вечером к ночи. Небо из светлосерого, обещало вскорости превратиться в антрацитовое, ветер задул резкими холодными порывами, раскачивая подросшие деревья и шумя густой темной листвой. Земля под лапами Пурпурной Дымки стала мягкой, податливой, а трава на ней высокой и сочной. Горы остались далеко позади, а запущенный лес, через который мы держали путь, стал самым настоящим. И сырость в нем была пряной с запахом прели, и шорохи в темных лесных зарослях говорили о наличии лесной живности.

Всю дорогу от Совиной скалы до этого леса Фрик был до странности молчаливым. На все мои вопросы он отвечал односложно, либо вообще отмалчивался. Только раз он негромко буркнул, что давно не покидал лена мощного дана Когга и теперь... побаивается.

Чего Фрик побаивается, я не понял, но уточнять не стал. Когда же мы въехали в этот лес, и мне стало не до разговоров. Сгустившаяся темнота, порывистый ветер, растерянный шум листвы почему-то действовали мне на нервы. Моя правая рука постоянно была напряжена, готова в любое мгновение выхватить из ножен меч.

И тут раздалось тихое заикание моего провожатого:

– Сияющий дан, езжайте прямо. На опушке этого леса должно быть село, в котором вы вполне сможете переночевать...

Я приподнялся в стременах и посмотрел вперед. Между деревьев действительно появился просвет – похоже, лес кончался. И тут до меня дошло изменение в обращении Фрика ко мне.

– А с чего это ты, нахал, вдруг перешел на «вы»? – Насмешливо поинтересовался я. Однако ответом мне была тишина. Оглядевшись, я понял, что Фрик исчез.

А Пурпурная Дымка плыла вперед все той же неторопливой рысью, и наконец вынесла меня на опушку. Не далее чем в полукилометре от нее виднелись золотистые огоньки в окошках довольно большого села.

За время пути я раза два-три видел вдалеке крыши селений, но Фрик старательно обходил их, отвечая на мои недоуменные вопросы загадочным хмыканием. И вот теперь он вывел меня точно на людское поселение, а сам... скрылся.

Спустя пару десятков минут, я въехал на околицу села. Сказать, что наступила ночь, было нельзя, однако улица была пустынна и тиха. Только огоньки в окнах невысоких домиков окраины указывали на наличие населения. Дымка бесшумной тенью скользила по обочине дороги, вдоль незамысловатых изгородей, обозначавших границу между общей дорогой и частными огородами жителей. Дома, в отличие от наших, российских сел, располагались в глубине огороженных участков и отделялись от проезжей части какими-то посадками.

Постепенно домики подрастали и становились все ближе и ближе друг к другу, а огороды исчезли. И вот моя лошадка выехала, судя по всему, на центральную площадь села.

Площадь эта была достаточно широкой, дома, окружавшие ее были двухэтажными, причем нижние этажи были сделаны из камня. Фасады всех домов, выходявших на площадь были темны, и только один из них светился всем первым этажом – даже входная дверь этого

дома была распахнута и из нее доносился нестройный гул человеческих голосов. А посреди площади торчало нечто, отдаленно напоминающее... обгорелое дерево. В желтом, колеблющемся свете, падавшем из окон и двери освещенного здания, чернота этого дерева отливала странным багровым отсветом, словно по нему пробегали призраки давно потухших всполохов. И в этом неверном отсвете я вдруг заметил, что ствол дерева на высоте примерно метра обвивает тяжелая, закопченная цепь.

Дымка, не дожидаясь моей команды, свернула к освещенному дому и остановилась прямо у светлого прямоугольника открытой двери.

Я оглядел фасад здания и увидел над дверью небольшую вывеску. «Вечерний отстой» было начертано на этой вывеске весьма корявыми разновеликими буквами.

«Видимо, это все-таки... постоялый двор... – догадался я, – Хотя название у него могло бы быть... попримичнее!..»

Соскочив на землю, я двинулся было к дверям, но тут из них в пыль не мощеной площади, чуть ли не прямо мне под ноги, вывалилась некая толстая фигура, и вслед ей раздался насмешливый голос:

– Хватит бузить, Рохля, иди домой, проспись!..

А другой, более властный, голос добавил:

– И до светлого выходного можешь здесь не показываться!

Толстый Рохля неуклюже поднялся на ноги, плюнул в сторону оставшейся открытой двери, повернулся и, не замечая меня, потопал прямо к черному дереву в центре площади. Проводив его взглядом, я снова повернулся к освещенным дверям и шагнул внутрь дома.

Сразу за дверью располагалась большая зала, заставленная столами, вокруг которых сидело не менее полусотни мужиков. Все они были слегка навеселе, а потому в зале стоял ровный густой гул, в котором временами слышались более звонкие вскрики. Мое появление почти не было замечено, и только когда хозяин заведения, восседавший в дальнем конце залы за невысоким прилавком, заметил меня, вскочил со своего места и помчался к входным дверям, разговоры стали стремительно стихать. Спустя несколько секунд, в зале наступила изумленная тишина, а хозяин – высокий, странно худой для трактирщика, молодой мужчина, приблизившись ко мне и поклонившись, проговорил:

– Сияющий дан Тон, я – вольный кхмет Смига, хозяин этого постоялого двора и член управы нашего села! Чем я могу служить вам?!

– Мне нужна постель на эту ночь... – просто ответил я.

На лицо трактирщика вдруг выползла торжествующая улыбка, он оглядел зал и с новым поклоном повел рукой в сторону... своего прилавка:

– Прошу, господин сияющий дан, проследовать за мной. Комната для вас уже готова!

«Это что ж получается... – с удивлением подумал я, направляясь следом за трактирщиком через залу к дальней стене, – Меня здесь уже ждали?..»

В дальней стене залы, позади хозяйской стойки располагалась небольшая дверь, за которой оказалась площадка лестницы, ведущей и наверх, и в подвал. Хозяин постоялого двора потопал вверх по этой лестнице в темноту второго этажа. Я с некоторым сомнением двинулся следом – мне показалось странным то, что хозяин не прихватил с собой какой-нибудь лампы, но нас уже ждали. Едва я преодолел половину пролета, как темнота наверху рассеялась, и я увидел, что на верхней площадке стоит невысокая женщина с большим, на три свечи, подсвечником в руках. Трепетные язычки огня разгоняли вечерний сумрак. Хозяин, поднявшись впереди меня, взял из рук женщины подсвечник, и та неслышно исчезла – я так и не успел ее как следует рассмотреть.

Комната, в которую привел меня хозяин, была очень большой, мне даже показалось, что она занимает чуть ли не половину этажа. Освещалась эта зала всего-навсего тремя небольшими лампами, из которых хозяин зажег всего одну, стоявшую на небольшом столике

около огромной кровати. Углы этой гигантской спальни остались спрятанными в густом мраке, а ее слабо освещенная середина явила моему взору большой овальной формы стол, уставленный всевозможной едой и напитками.

Хозяин поднял над собой свой трехсвечник и громко объявил:

– Эта комната, господин сияющий дан, была подготовлена специально к вашему приезду, а ужин естественно ежедневно обновлялся, так что можете есть без опасений – все, что там выставлено наисвежайшее! Поверьте, никто вас в этой комнате не побеспокоит!

Тут я не выдержал и с нескрываемой насмешкой спросил:

– Эта комната предназначена специально для меня?.. Значит ты знал, что я прибуду в ваше село?!

– Я... надеялся!.. – Ответил вольный кхмет и, продолжая держать светильник высоко над собой, поклонился, – я надеялся, что возвращаясь из Трольих гор, вы, господин сияющий дан, не проедете мимо нашего села!..

– Вот как?..

Эту короткую фразу я сказал исключительно потому, что мне... нечего было сказать, однако хозяин постоянного двора воспринял мой вопрос по-своему:

– Я никогда не верил, что вы, господин сияющий дан, погибли в горах!.. Нечистые могли разбить ваш отряд, могли даже убить всех сопровождавших вас черных извергов, но перед сияющим даном Тоном они не могли не отступить. Я верил, что вы вернетесь, что вы выйдете из гор невредимым, и что наше село встретит вас с подобающими почестями! Сейчас вы отдохнете, а завтра утром мы устроим настоящий праздник!!

«Так!.. – с некоторой даже тоской подумал я, – Только праздника мне и не хватало!! Еще придется произносить приветственную или благодарственную речь, и при этом я обязательно ляпну какую-нибудь глупость!..»

Однако, лицо вольного кхмета выражало такой восторг, что у меня не повернулся язык разочаровать его отказом от обещанных празднеств.

«В конце концов, – решил я, – утро вечера мудренее, и завтра все как-нибудь образуется...»

– Ну что ж, – произнес я как можно увереннее, – значит, утром, я буду вас ожидать!..

Вольный кхмет сразу же уловил смысл моих слов, коротко поклонился и быстрым, чуть ли не строевым, шагом покинул приготовленное для меня помещение. Я взял в руку оставленный хозяином подсвечник и обошел комнату, внимательно оглядывая ее стены. Обитые какой-то темной, грубой тканью, они выглядели вполне надежными, не имеющими каких-либо потайных дверей, лазов и окошек. Три узких и высоких окна, выходивших на площадь со странным деревом, были забраны довольно частыми решетками и к тому же имели ставни, закрывавшиеся изнутри. В самом дальнем углу комнаты я обнаружил туалетный «уголок» состоявший из большого умывальника и... ночного горшка солидных размеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.